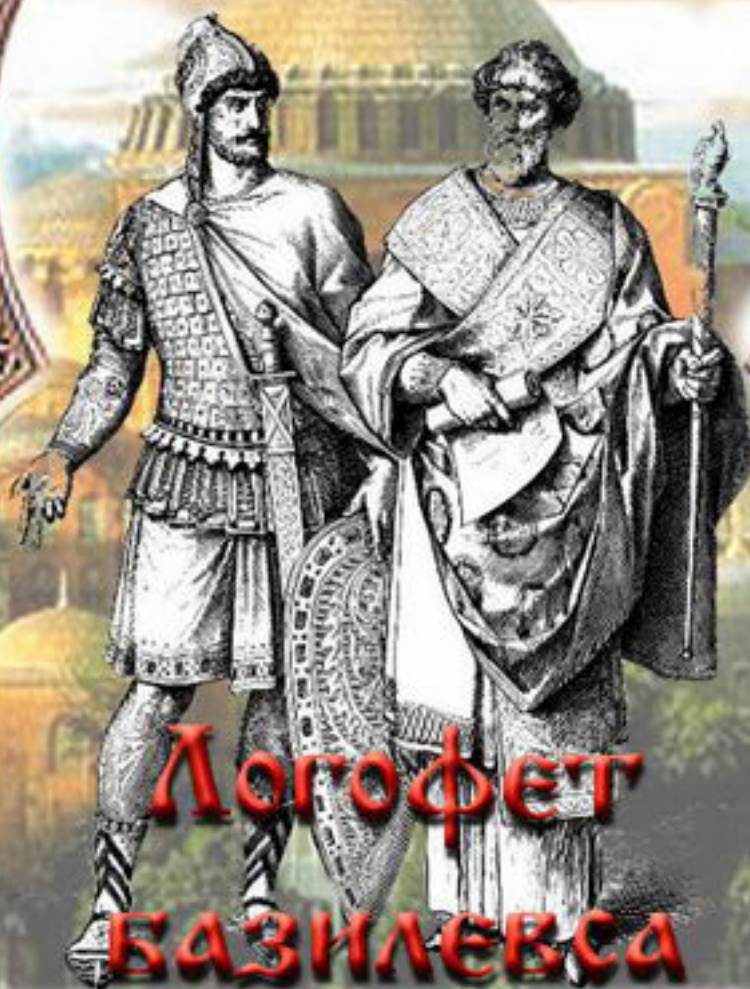

А. Ю. Сапаров

Логофет
БАЗИЛЕВСА

Путь к трону

Александр Сапаров
Логофет базилевса

«Автор»

2015

Сапаров А. Ю.

Логофет базилевса / А. Ю. Сапаров — «Автор», 2015 — (Путь к трону)

ISBN 978-5-9922-1825-1

Волхвы Руси, предвидящие будущие невзгоды, таинственным путем переносят в прошлое человека нашего времени. Так руководитель секретного подразделения внешней разведки России попадает в начало двенадцатого века и получает внешность пропавшего сына князя Владимира Мономаха. Используя свои знания и обретенную внешность, он быстро поднимается по карьерной лестнице, лелея планы изменить ход истории нашей страны, чтобы через сто лет армию монголов встретили тысячные рати великой России.

ISBN 978-5-9922-1825-1

© Сапаров А. Ю., 2015

© Автор, 2015

Александр Сапаров

Логофет базилевса

Александр Сапаров

* * *

Никогда не знаешь, когда тебя настигнет неудача. Обычно это бывает, когда рассчитываешь на что-то хорошее, ну, например, на поездку в Сочи. Я шел с работы, в кармане лежал билет на самолет. Позади было прощание с коллегами, которые во время распития бутылочки коньяка, многозначительно вспоминали свои курортные знакомства. Настроение было великолепным. Мы только, что закончили разработку очень важной операции, закончившейся вполне успешно; руководство прыгало от восторга, соседняя страна резко поменяла свои приоритеты, а меня ожидали пляж и море. Скрип тормозов оторвал от раздумий и последнее, что мне довелось увидеть в этой жизни, был, падающий прямо на меня, фонарный столб.

Я пришел в себя от холода. Казалось, все мышцы тела не могут разогнуться, настолько они занемели и продрогли. От крупной дрожи тряслась даже голова. Открыв глаза, увидел прямо перед собой еловую ветку, ее иголки кололи мне лицо. Когда поднял глаза еще выше то среди верхушек высоких елей, угрожающе склонившихся надо мной, увидел кусочек голубого неба. Неожиданно резкая щипучая боль в правой руке, заставила меня перевести глаза туда. На предплечье сидел крупный муравей и с упоением прыскал кислотой на прокушенную им же ранку. Смахнув муравья, я резко вскочил.

Вокруг стоял высокий мрачный еловый лес. Ноги утопали почти по колено во мху. Над головой звенели комары. Утренний свежий ветерок заставлял, еще больше ежиться от холода, голое тело покрылось мурашками, на мне не осталось ни единой тряпочки. Мыслей в голове не было. Неожиданный переход от буквально только, что произошедшего происшествия к пробудке посреди дикого леса, привел меня в полный ступор.

Тихий шорох, справа заставил повернуть голову в ту сторону. Под размашистыми еловыми ветвями стоял крупный волк. Его янтарные глаза смотрели на меня, не отрываясь, а щеки, морщась, поднимались вверх, обнажая огромные клыки.

Я инстинктивно нагнулся и, схватив огромный сосновый сук, валявшийся рядом, шагнул к нему. Волк исчез, и мое движение, как будто пробудило лес вокруг, стали слышны; щебетанье проснувшихся птиц, шум ветра в верхушках деревьев.

И только сейчас на меня навалилась вся тяжесть случившегося. Один в лесу, где, понятия не имею, и к тому же совершенно голый. Не веря своим глазам, я наклонился и вырвал пучок мха, впрочем, он, как и сосновый сук, был вполне реален. От елей, возвышающихся вокруг меня, несло запахом смолы и хвои. Мысли по-прежнему со скрежетом проворачивались в голове.

– Как и почему я здесь? – был главный вопрос. Последнее, что я помнил, был фонарный столб, падающий на голову.

В моей долгой, изобилующей приключениями, жизни бывало всякое. Но вот такого еще не случалось. Я – Коршунов Константин Михайлович, 46 лет, когда-то подполковник спецназа ФСБ рост 202 см, вес 117 кг, перешедший после ранения с оперативной работы, очень скажем так, специфичной, на штабную, и последние лет десять служащий в звании полковника – начальника отдела планирования очень специфичных операций, по устранению мешающих нашему государству зарубежных индивидуумов, возможно, пал жертвой розыгрыша, если не сказать хуже.

– Но, какая же, скажем так, самка собаки, жестоко надо мной подшутила? Может, пока был без сознания, меня принесли сюда и оставили?

Я поглядел по сторонам. На мягком зеленом мху ясно были видны волчьи следы и большая вмятина, оставшаяся на месте, где я лежал. Никаких других свидетельств, пребывания кого-либо еще, не наблюдалось.

– Может меня опустили с вертолета? – промелькнула мысль. Я начал осматривать ближайшие деревья, надеясь увидеть следы от фала, но ничего не мог найти.

Однако дальше искать следы моего появления здесь, было недосуг, все это надо будет выяснять позже, сейчас надо думать о выживании, ведь без одежды, еды долго в лесу не протяну, надо в темпе искать людей, если они здесь, конечно есть, и для этого есть верный путь, идти к воде. Пока разглядывал окружающую меня природу, солнце еще немного поднялось и уже проглядывало сквозь деревья и, избрав своей целью южное направление, тем более, казалось, что в той стороне земля немного идет под уклон, я потихоньку отправился в путь. Минут через десять, мне повезло набрести на высокий выворотень. Огромную ель уронило ветром, и с ее торчащих корней осыпалась масса грунта и камней, выбрав по виду самый слоистый камешек, положил на большую плоскую каменюгу и расколол его более тяжелым, вокруг разлетелось несколько острых осколков, я выбрал самый удобный, и крепко зажал в руке. Хотя это была пародия на оружие, острые края камня резали руку, но все же почувствовал себя на йоту увереннее.

Я шел уже около часа, постепенно мха становилось все больше, появились оконца темной воды, и вскоре под ногами захлюпало, а впереди в лесу появился просвет. Но мне радоваться не пришлось – это было всего лишь топкое болото. Когда начал его обходить, собирая уже краснеющие ягоды брусники, наконец, нашел то, к чему стремился, небольшой ручеек выбивался из-под мха, журча по камням, устремлялся в неведомые дали. Встав на колени, я приник губами к темной воде, пахнувшей торфом, и сделал несколько глотков. Потом с удовольствием сполоснул лицо, исцарапанное ветками, и хотя на время избавился от паутины, собравшейся на нем и голове. Исколотые в кровь ноги щипало и саднило, но надо было идти вперед. Лес стал понемногу светлеть, в нем начали появляться березы. На них с пересвистыванием, нисколько не боясь меня, перелетали рябчики, я же, на ходу, с унылой безнадегой наблюдал за ними. Внезапная идея, пришедшая в голову, заставила остановиться. Подойдя к высокой стройной березе, я с силой подрезал камнем кору и с его помощью начал винтом снимать узкую полосу бересты шириной сантиметра три.

Через час в моем распоряжении был пук берестяной полоски, и я добрым словом вспомнил своего давнего деревенского соседа деда Владимира Рожина. Когда-то, лет пятнадцать назад, отдыхая на даче, я углядел у него отличный берестяной короб, и сразу попросился в ученики, научиться плести вещи из бересты. Дед не кочевряжился и сразу согласился помочь. Вот только в лес его пришлось увезти на машине, потому, как ходить он совсем не мог. Ехали мы недолго, погода была отличная, пригревало солнышко и я, в отличие от сегодняшнего дня, был достаточно прилично одет. Мы заехали по глубокой колее в глубь березовой рощи и, заглушив мотор, я помог Рожину выйти из машины.

Он уселся на ближайший пенек и слезящимися глазами оглядывал все вокруг и глубоко вдыхал лесной воздух, напоенный ароматом цветущего шиповника.

– Да, паря, наверно последний раз вижу эту благодать, – вздыхал он, – спасибо тебе, что времени не пожалел.

Потом он с кряхтением поднялся и ловко на этом же пеньке вырубил из стволика тонкого клена небольшой колышек. А затем показал, как таким колышком можно снимать витки бересты и потом сворачивать в гигантские шары, которые потом можно годами хранить для различных поделок. Когда будет нужно, надо всего лишь положить такой шар в теплую воду и рабочий материал готов.

Вот так и сейчас, надрвав полосок бересты, усевшись голым задом на гладкую теплую поверхность, упавшего на прогалине ствола осины, я принялся плести лапти. Надо сказать, что это только, кажется легко. Но с третьей попытки, вспомнив дедовские наставления, все-таки удалось сплести подходящую обувь и, набив ее, быстро высохшим на солнце, мхом, одеть на свои бедные ноги, исколотые шишками, ветками и прочим лесным хламом. Попрыгав по мху, я проверил качество своего произведения, конечно, это было совсем другое дело, я даже почувствовал на несколько секунд себя человеком. Но затем, критически оглядевшись, понял, что для человека мне не хватает еще очень многого. Поэтому я взял широкую ленту бересты, одел вокруг талии и скрепил деревянной щепкой, а на нее приделал еще плетеный кармашек для камней, так, чтобы он хоть слегка прикрывал причинное место. Времени на все это ушло изрядно, и солнце клонилось на вторую половину дня, когда мне удалось снова, отправился в путь. Сейчас, когда я мог уже более спокойно воспринимать окружающее, обратил внимание во время плетения, что почему-то очень неплохо вижу вблизи, а ведь еще вчера мое зрение требовало очков в две диоптрии. И еще, я просто не узнавал левую кисть руки, уродливые шрамы, от, когда-то полученных, шальных осколков гранаты, исчезли.

Я шел вдоль ручья, по моим прикидкам, около двух часов, постепенно он начал расширяться, появились небольшие заводи, в которых плескалась крупная рыба. Живот давно уже играли траурные марши, а когда я увидел, как из воды выскочила крупная форель в погоне за мухой, то мой голодающий желудок чуть не свернулся в трубочку.

Побродив по окружающим зарослям, обнаружил тонкую сушину, подходящую для моих целей, и потом час пытался заострить ее конец своими камнем. Все-таки я довел это дело до победного конца, не скажу, что кончик моего копья был, как иголка, но палец слегка колот.

И вот, усевшись на гранитный валун посреди потока, стал внимательно всматриваться в воду. Из-за боязни сломать свою деревяшку о каменистое дно речушки, я действовал очень осторожно, и из-за этого постоянно промахивался. Но когда надежда на добычу после десятка пустых замахов, была почти потеряна, очередной удар проткнул форель и прижал ко дну. Не поднимая свою самодельную острогу, прыгнул в воду и схватил холодную быющуюся рыбину. Когда выбрался на берег, то был мокрый с головы до ног. Быстро отряхнулся, как собака и отжал на удивление длинные волосы, что меня изрядно озадачило, еще несколько часов назад я вроде был подстрижен почти под ноль, от свежего ветерка по телу побежали мурашки. К счастью, еще достаточно жаркое солнце быстро высушило меня. Я аккуратно снял внутренности форели, промыл ее в воде и съел почти полностью. Без соли мясо имело необычный вкус, но я был так голоден, что не успел обратить на это особого внимания. После не очень вкусного, но приличного по объему обеда, потянуло в сон. И, плюнув на все окружающие опасности, растянулся гольшом на мху и заснул. Когда, к вечеру, я проснулся, так хорошо уже не было, вокруг стоял комариный звон, усилившийся ветер холодил кожу. Солнце, опускающееся за деревья, почти не грело. Размышлял, что делать, недолго. Если залезу на дерево то, скорее всего, замерзну до смерти, если буду ночевать внизу, то могу быть съеденным кем угодно. Поэтому решил ночевать под упавшим еловым стволом, рядом с корнями, натаскал туда кучу мха, стараясь собрать посуше и, забив проход к себе еловыми ветками, закопался поглубже в мох, понемногу согрелся и заснул. Утро наступило неожиданно быстро, вылезать из нагретой за ночь постели не хотелось. Я подождал, когда солнце поднимется повыше, начнет немного припекать, и побрел вдоль ручья, периодически обходя лесные завалы или места впадения более мелких протоков. К середине дня шел уже вдоль настоящей реки шириной метров двадцать, но признаков жилья или деятельности человека не было. За все это время я не услышал ни самолета, ни звуков валки леса, ничего, что обычно слышно в наших лесах. К полудню стало жарко, на открытых местах на меня налетали тучи черных слепней, оставлявшие после себя на коже кровавые следы укусов. В тенистом ельнике, наоборот, звенели комары. Мне пришлось

несколько раз споласкиваться в речке, но это помогало ненадолго. Я упрямо шел вперед, хотя иногда на меня нападали приступы паники:

Неужели мне суждено будет закончить жизнь таким образом? В диком лесу, до смерти заеденным гнусом и слепнями.

Я старался отгонять эти мысли прочь, но они начинали все чаще посещать меня. К вечеру путь привел меня к большому тихому плесу. Подошел к берегу и, усевшись на камень, посмотрел в воду. Оттуда смотрел незнакомый молодой здоровый парень с бугрящимися мышцами на руках, и каштановыми выющимися волосами, с лицом изъеденным укусами комаров и слепней.

Что же произошло? Мало того, что проснулся голый, неизвестно где, так еще в возрасте двадцати лет, и не со своим лицом.

Я сидел и никак не мог поверить в то, что случилось. Если до этого думал, что это, кто-то так жестоко подшутил надо мной, то возвращенная молодость это уже серьезно. Может мой разум сейчас просто в другом теле.

– Эй, хозяин, отзовись, – мысленно попытался связаться с предполагаемым владельцем тела, но ответа так и не дождался. Я прочитал немало книг о попаданцах, и до меня, наконец, дошло, что скорее все со мной произошла такая же, абсолютно невероятная, история. Мой рациональный разум просто отказывался до этого момента воспринимать подобное событие всерьез. Вот только все попаданцы в основном попадали в другие миры, вооруженные чем-то более существенным, чем я, но, хотя, молодое тело – это очень хорошая плюшка. И мне не остается ничего другого, как отправляться дальше в поисках человеческого жилья, ну а уж если такового здесь не будет, то переходить на существование Робинзона и как-то пытаться устроиться в этой жизни. Настроение было на нуле. Жрать хотелось невероятно. Пришлось нахлебаться воды, чтобы хоть как-то наполнить желудок.

Ловить рыбу в глубоком плесе было бесполезно и я, отыскав на берегу упавшую елку, натаскал под нее хвои, сверху заложил мхом, устроился удобней, и заснул, несмотря на голодное бульканье в моем животе.

Утром, когда я проснулся, солнца не было видно, небо заложили серые тучи, и моросил мелкий дождик. Я лежал в своем гнезде, до тех пор, пока капли воды не добрались до меня. Когда выбрался наружу, чтобы совсем не продрогнуть начал бегать туда сюда по небольшому заливному лугу, немного согревшись, задумчиво поглядел на, вылезшую откуда-то, лягушку, но все же решил с подобной закуской немного повременить. И вновь начался все тот же путь уже по берегу широкой реки, плавно несущей свои воды на юго-запад. К полудню дождь все же закончился, и тучи понемногу разошлись. Выглянуло солнце и стало немного веселей. Периодически на пути встречались пороги, в которых ревела вода, и торчали большие серые скалы. Потому мысль попробовать сделать плот меня не особо посещала. После одного из порогов, когда шел по высокому берегу, показалось, что иду по тропке. Сначала, не веря своим глазам, подумал, что это просто звериная тропка, протоптанная к водою, но тропа становилась все шире и затем, неожиданно, вышел на небольшую поляну. На ней, похоже был пожар, но, присмотревшись, я заметил, что все упавшие деревья были срублены, а с одного края уже выкорчевано несколько пней, а под дальними, торчит несколько ваг. Неожиданно закружилась голова, и бешено застучало сердце. Из-за резкой слабости в ногах мне пришлось сесть на ближайшее упавшее дерево. Несколько минут я сидел, глубоко дыша, пытаясь успокоиться. Видимо я уже настолько уверовал, в своем одиночестве в дикой тайге, что следы деятельности человека произвели на меня такое действие. Понемногу бешеное биение сердца унялось, а в голове исчез звон. Я осторожно поднялся и начал внимательно оглядывать все вокруг.

– Это что же подсечное земледелие? Куда же меня и какой черт занес? Помнится, в каком то музее видел я такие картинки, – нервно крутились мысли в голове.

Обойдя поляну, ничего полезного на ней не нашел и, уже почти по натопанной дороге, пошagal дальше. Еще час ходьбы привел к полю, на котором колосилась, по-видимому, тощая рожь или ячмень, моих познаний в агрономии, увы, не хватало на определение злаков. Большая часть поля была уже сжата. За ним метрах в ста виднелся забор, сделанный из целиковых стволов, вплотную вкопанных друг к другу и заканчивающихся заостренными обугленными концами. В заборе виднелись небольшие ворота, по-видимому, заложенные чем-то изнутри. Запахло дымом и каким-то варевом, на что мой желудок отреагировал болезненной судорогой.

Подойдя к воротам, аккуратно постучал. Во дворе кто-то ойкнул, и началась беготня. Над тыном появилась лохматая голова и, оглядевшись вокруг, что-то крикнула, но я не понял ничего. Внезапно створка ворот распахнулась, и на меня, держа деревянные вилы в руках, попер низенький мужик, ростом он был наверно мне чуть повыше пупка, было видно, что струхнул он изрядно. Все-таки рост два метра два сантиметра и в мое время вызывал немалое уважение. Я отступил на шаг и поднял руки вверх, показывая, что там ничего нет. Потом знаками показал, что кидаю вилами сено, а потом показал на рот. Мужик попался сообразительный и согласно закивал головой, а потом, вытащив из-за пояса приличный килорез, слегка оцарапал мне запястье и, увидев кровь, что-то ободряюще прокричал во двор.

Когда я зашел туда все домочадцы уже выскочили на улицу и оживленно переговаривались, с удивлением рассматривая меня. Две рыжих собачонки, усердно облаивали меня, стараясь укунить за ноги. Лишь мелкая лошаденка стоявшая запряженная в большую волокушу, не обратила на меня внимания, а, опустив голову, старательно жевала мякину, видимо оставшуюся после обмолота ржи.

Я прислушался к речи лесных жителей, чем-то мне этот язык был знаком.

– Вепс? – спросил я хозяина, указывая на него пальцем.

Явно поняв мой вопрос, хозяин согласно закивал головой и вновь разразился целой речью, показывая на меня, и неоднократно вопросительно повторяя:

– Нурманн?

– Я не нурманн! – был мой громкий ответ, при этом я еще пытался махать рукой, – я русский.

Хозяева переглянулись и, не поняв ничего, пригласили меня в избу. Высокий рубленый в лапу дом, крытый потемневшей дранкой выглядел совсем неплохо. Мы поднялись по высокому крыльцу на второй этаж, с первого слышалось мычание коровы и блеяние овец. А вот внутри было уже совсем не так хорошо. Потолки здесь были значительно ниже моего роста, поэтому пришлось идти нагнувшись. В конце единственной комнаты был сложен очаг из камней, в котором были несколько отверстий, чтобы ставить горшки. От одного такого горшка, стоявшего там, исходил аромат, на который мой желудок отозвался хорошо слышной музыкой. От бревенчатых темных стен несло дымом, потолок был вообще закопчен дочерна, видимо при растопке, большая часть дыма оставалась в доме, прежде чем его начинало вытягивать через деревянную трубу в потолке. Из пазов между бревнами торчал, плохо законопаченный, мох. Посреди помещения стоял, грубо сделанный, стол из тесаных топором досок, вдоль него стояли лавки. Такие же лавки стояли вдоль стен. Другую часть комнаты занимал огромный ткацкий станок, в котором лежала начатая холстина. Там же на полке около торчавшей из стены потушенной недогоревшей лучины лежали пара веретен, и стояла стойка с куделью.

Только сейчас до меня дошло, что я голый. Но на мою наготу особого внимания никто не обратил, хотя две девицы вначале похихикали, глядя на мое, скукоженное от холода, достоинство.

Хозяин, подняв крышку лавки, стоявшей у стены достал из глубин рундука старые латанные порты, сунул их мне в руки и попытался похлопать по плечу, но не достал. Я быстро натянул это тряпье и хотел перевязать его все той же березовой лентой, но вепс протянул мне пле-

теную льняную веревку, и проблема удержания штанов была решена. Больше мне пока никакой одежды не выделили, но для меня сейчас и холщовые драные порты были праздником.

Немного погодя, все сели за стол, хозяйка, натужась, вынула горшок из очага и поставила на середину стола, члены семьи начали по очереди залезать в него своими ложками. Мне тоже выделили убогую ложку, по-видимому, творение кого-то из детей, потому, что есть ей было совершенно невозможно. Но я, попросив нож, быстро сделал конус из бересты и, зацепив его палочкой, вместе с остальными начал есть аппетитно пахнущее варево в горшке. Это оказалась пареная до каши – репа, она была чуть подсолена, и вместе с куском черного хлеба, по консистенции напоминающим глину, показалась мне, голодавшему три дня, лучшим блюдом на свете.

После ужина быстро темнело, два маленьких окошка затянутых бычьим пузырем почти не пропускали свет. В женском углу зажгли лучину, и под хиханье и хаханье девушек и их мамы, слышался шорох веретен и стук ткацкого станка. Немного погодя женщины завели заунывную грустную песню, в которой я, естественно, ни хрена не понимал. Продолжалось это еще около двух часов, затем из-под лавок были раскатаны грубые, сшитые из шкур и тряпок, перины, набитые утиным пухом и потертые, плохо выделанные, сшитые вместе овечьи шкуры. Мне было предложено отдельное место немного в стороне от остальных домочадцев, спавших вплотную друг к другу.

Лучина была задута и наступила полная темнота, буквально через пару минут наступившую тишину нарушило сосредоточенное сопение хозяина, и легкое постанывание его жены. Еще через пять минут они оба, облегченно вздохнув, захрапели.

Я испытывал такой кайф, после двух ночевок голым в полусыром мху, теплая овечья шкура мне казалась верхом блаженства. Глаза уже закрывались, когда я неожиданно обнаружил, что подмышкой появилась чья – то голова, и, с удивлением понял, что рядом со мной лежит обнаженной, одна из хихикавших девчонок. Она робко полезла рукой к моему органу, затем я услышал ее довольное хмыканье, но даже не успел ничего предпринять самостоятельно, как девушка, в прямом смысле, взяла полностью инициативу в свои руки. В этот ответственный момент, рядом со мной опять кто-то зашевелится – это оказалась вторая девчонка, которая, что-то шептала недовольным голосом своей сестре, она, похоже, злилась, что долго ждет своей очереди. После того, как обе молоденькие вепки, наконец, от меня отстали, я заснул мертвецким сном в несколько секунд.

Утро для меня началось тем, что с меня бесцеремонно стащили овечьи шкуры, исполнявшие функции одеяла. Все, похоже, давно встали и занимались делами. Хозяин, которого, как я понял, звали Вейкко, подал мне длинную льняную рубаху с многочисленными дырками. А поверх нее предложил грубый, армяк, сшитый из овечьих шкур и воняющий кислым тестом. Армяк был мне по пояс, руки по локоть высывались из рукавов, а когда я попробовал его запахнуть, то раздался подозрительный треск. Ну и ладно, решил я, буду пока ходить нараспашку, все равно лучше чем голышом. Мы доели холодные остатки репы, запили их кислым до ужаса квасом с краюхой зачерствелого черного хлеба, потом Вейкко поманил меня во двор, я, не торопясь, замотал ноги выданными мне тряпками и надел лапти собственного производства, надо сказать, что были они, ничуть не хуже, чем у членов вепского семейства. Когда мы вышли на улицу, я увидел, что там нас уже ожидают трое его сыновей, они были такие же мелкие, как отец, только не такие коренастые. Ну, что же, пришла пора отрабатывать еду, одежду и кров. Мы взяли пару топоров и направились в сторону пала, откуда я вчера пришел в их дом. Парни всю дорогу оживленно болтали, кидая на меня ехидные взгляды. По ним было件件но, что мои ночные приключения, не остались тайной для окружающих, и похоже девушки проделали это с благословения родителей.

Дорога не заняла много времени, когда мы пришли, парни сразу начали сгребать остатки стволов, сучья в кучи и разжигать их снова с помощью еще тлеющих углей. Мне с Вейкко

пришлось заниматься более тяжелой работой, корчеванием пней. Мы вначале обрубали корни, а потом на пару, подложив под здоровенную вагу бревна, проверял корни на крепость. Работа спорилась, потому, что я был наверно раза в четыре тяжелее и выдирали пни гораздо легче, чем мой хозяин. Вейкко был доволен и пытался мне что-то объяснять.

Зато к концу дня я уже знал несколько слов вепского языка и все они, похоже, были нецензурными.

Когда мы к вечеру пришли к дому, я обнаружил, что небольшое, приземистое бревенчатое строение на берегу реки дымится со всех сторон. Дым лез из всех щелей и меньше все в трубу.

– Неужели баню топят! – с надеждой подумал я. И действительно обе девушки, сегодня ночью побывавшие у меня под одеялом, сустились у дверей предполагаемой бани. Там же горел еще и костер, из которого они периодически, деревянными щипцами доставали небольшие округлые камни и кидали их в ушата с водой, оттуда раздавалось громкое шипение и поднимались столбы пара, я еще подивился, как с умом выбраны камни, которые не трескаются от такого издевательства. Мы посидели на крыльце, ожидая, когда протопится каменка, и нагреется вода в деревянных ведрах, и вскоре хозяин доброжелательно замахал мне руками, приглашая мыться. Когда я, скинув одежду, залез, согнувшись в три погибели, в мыльню, на полке уже сидели хихикающие девчонки, светясь в полутьме своими белыми прелестями. Тут меня осенило, и я, накинув армяк, выскочил на улицу и, подбежав к ближайшей березе, начал ломать ветки. Поздние, начинающие желтеть листья, конечно, были уже совсем плохие, но все же мне удалось связать удовлетворительный веничек и с ним, я вновь уселся рядом с девушками. Они с недоумением смотрели на веник, а когда я подкинул горячей воды на каменку, завизжали и кинулись на пол. Я же с удовольствием охаживал себя веником со всех сторон, чувствуя, как с меня сползает вся грязь, которую собрал, шляясь трое суток голым по северному лесу. Девчонки постепенно оклемались и вновь уселись рядом со мной, и даже дали похлопать себя веником по всяким соблазнительным местам, когда же я, возбужденный таким зрелищем, захотел большего, то мне отказали, показав знаками, что все еще впереди. Потом я лег на скамейку лицом вниз а одна из девушек усевшись на меня яростно терла спину лыковой мочалкой, периодически смачивая ее в горшке с разведенным щелоком. Когда мы красные и распаренные, отмывшиеся щелоком до скрипоты вышли из темного банного нутра, нам навстречу уже шли, давно ожидавшие этого момента, оставшиеся члены семейства. После бани я впервые за эти дни почувствовал себя человеком. А наутро все началось снова, тяжелая работа, скудная еда, и пни, пни во сне и наяву.

В такой работе прошли две недели, становилось все холоднее, по-видимому, уже была вторая половина сентября. На будущем огнище мы полностью выкорчевали все пни, и оставили всю древесину сохнуть до конца зимы, чтобы весной полностью сжечь высохшие древесные остатки. А на золе, оставшейся после пала, после посева вырастет новая рожь. Пройдет два года и новый пал пройдет уже в другом месте. И подобный способ земледелия будет в этих местах еще несколько сот лет, пока, наконец, огнищане не перейдут на более прогрессивные методы земледелия. Я за это время смог выучить несколько десятков слов и мог кое-как общаться, тем, более, что словарный запас у лесных жителей был не очень большой. Меня, кстати, заинтересовало, почему Вейкко с семьей не живет, как обычно вепсы в небольшой веси на три четыре двора, а на отшибе в глубине леса, но задавать такие вопросы я попросту постеснялся. Начались уже первые заморозки, Реку с берегов уже сковывало льдом. По безыскусному чертежу Вейкко, нарисованному им прутиком на пепле костра мне стало понятно, что вышел я, оказывается, в своих странствиях на приток Свири, так, что до средневековой цивилизации отсюда было совсем недалеко. Хотя, по правде сказать, какой сейчас год, я абсолютно не представлял. И есть ли цивилизация на самом деле. Но железные топоры и ножи в хозяйстве подтверждали, что, по крайней мере, железо эта цивилизация знает. Я втянулся в тяжелую работу и не

уставал так сильно, как в первые дни, и теперь часто, вечерами, задумывался о своей судьбе. Совершенно не хотелось провести всю жизнь в северных лесах, занимаясь убогим сельским хозяйством. Однако, мне казалось, что, не зная ни языка, ни обычаев покидать гостеприимный дом вепсов очень неразумно. Но, все равно, надо было готовиться к встрече с жестоким миром, лежащим за лесами. И скоро все семейство, с удивлением, следило за моими упражнениями. Я бегал, прыгал, восстанавливал все навыки, утерянные за много лет кабинетной работы, когда надо было шевелить только мозгами. Мое молодое тело с удовольствием откликалось на тренировки, а растяжку я смог вскоре сделать такую, что довольно легко садился на шпагат. К, сожалению, у Вейкко совсем не было оружия, поэтому учиться работать с мечом, не получилось. Незаметно за заботами пришла настоящая зима. Вокруг дома засверкали белизной сугробы, еще не разбавленные сернистыми выбросами заводов северной Европы. Я уже смирился с тем, что зимовать буду с семейством вепсов. Рожь и ячмень были убраны, сено, накошенное на узких лесных прогалинах, ждало вывозки, дров для очага было завались. В общем, живи и радуйся. Однако Вейкко ходил чем-то недовольный и вздрагивал от каждого постороннего шума, а его жена часто ходила с покрасневшими от слез глазами. Когда я начал, со своим хилым знанием языка, выяснять в чем дело, то узнал, что Вейкко ушел из деревни несколько лет назад, и не платил несколько лет пошлыны Белозерскому князю, считавшемуся хозяином этих мест. А зимой по рекам, так и разъезжают в поисках таких одиночек мытники, которые рады раздеть и разуть любого встреченного на пути. И если на них наткнутся этой зимой, что очень даже возможно, семья может оказаться у разбитого корыта.

И действительно, когда уже установились морозы, и снега уже было по пояс, в ворота громко и требовательно застучали, Вейкко, отодвинул заложку на окне, выглянул туда и, спав с лица, побежал их откапывать. Примерно через час он с парнями смог открыть ворота и во двор на коне, въехал толстый тепло одетый бородатый мужик с мечом на поясе. За ним следовал санный обоз из трех саней с возчиками. Мужик кинул поводья Вейкко и молча поднялся в дом. Разговор сразу пошел на повышенных тонах, Вейкко валялся в ногах у мытника, гордо восседавшего на лавке, но тот только давал распоряжения возчикам выгрести одну клеть за другой. Те с шуточками прибауточками сносили в сани зерно, бочонки с ягодами и грибами. Но постепенно клетки пустели, пыл грабителей остыл. Неожиданно мытник показал пальцем на меня и что-то сказал. Говорил он, по-видимому, на древнерусском, но мне все равно ни хрена не было понятно. Я во время всего этого действа сидел на лавке и пытался сам себя успокоить.

– Не лезь Костя в это дело, это не твои проблемы.

Но все же за три месяца эта семья стала для меня, если не родной, то все равно очень близкой, и я еле сдерживался, чтобы не навести порядок. Вейкко перевел мне, что тот требует сказать, чей я человек и почему здесь нахожусь, и что меня сейчас закуют в железо и увезут в Белоозеро на правило. Мне и до этого жутко не нравилось, все, что здесь происходило, но сейчас я понял, что надо действовать, иначе будет поздно. Я, пригнувшись, вскочил с лавки, кинулся на обидчика, тот даже не успел схватиться за меч, а только начал тянуть к нему руку, но это было все, что он смог сделать. Мои руки схватили его за воротник, и порты, легко подняли и кинули об стену, раздался тупой звук, и мытник безжизненно упал на пол, из-под его головы потекла небольшая струйка крови. Два холопа, вбежав на шум в дом, вытащили мечи и пошли на меня. Когда я глянул на их неуклюжие движения, мне сразу стало спокойней. Легко уйдя от неуклюжего замаха одного, я подбил колено второго, раздался хруст сустава, и парень, упав на пол, завизжал, схватившись за ногу. Без проблем, уклонившись от, просвистевшего у самого носа, меча, я ткнул пальцем в глаз первого нападавшего. Это было все равно, что драться с детьми, да они, и на самом деле, не доставали мне даже до плеча. Через полминуты в доме лежало еще два трупа. Когда я выскочил в дверь, на снегу уже лежал навзничь последний возчик, с торчавшим в спине топором. Рядом стоял Вейкко и мелко крестился дрожащей рукой.

С большим трудом, мне удалось уговорить всех, заняться неотложными делами. Нужно было сделать так, что бы никто не догадался, куда исчез санный поезд Белозерского князя. Вейкко расставался с каждой вещью, как с родным ребенком, долго ее вертел в руках, чуть ли не обнюхивал, а потом кидал в костер. Пришлось также зарезать коней и сжечь сани, но всю мелочевку и еду, скупой хозяин припрятал. Меня после этого события они, наконец, по-настоящему зауважали, а две девушки, раньше даже не спрашивающие, кто будет сегодня ночевать со мной, предоставили право выбора мне.

Вейкко после случившего вел себя странно, ходил в задумчивости, и все повторял, что мое появление это непростое событие. И в один прекрасный день он завел разговор, что нам нужно поехать к волхву Яровиду, который живет в неделе пути от него и сейчас самое время это сделать, пока болота, замерзшие, и к нему можно проехать. И хотя не всем удастся увидеть Яровида, но у такого воина, не боящегося сглаза, как я – это получится без труда. Зато волхв точно сможет сказать, зачем я здесь появился.

Собирались мы не один день, а вот проводы были недолги, только обе девушки были грустны, а младшая Айне, тихонько шепнула мне на ухо, что у нее будет ребенок, и она очень надеется, что это будет мальчик и такой же большой, как его отец. Я, конечно, прекрасно понимал, зачем родители заставляют своих дочерей спать со мной, и хотя к ним я страстной любовью не проникся, но все равно было грустновато оставлять этот дом, где будет расти моя дочь или сын, которых, скорее всего, я никогда не увижу.

И вот снова, как совсем недавно, я иду по лесу, но теперь уже вдвоем с Вейкко. Вот только одеты мы с ним были совсем по-другому, теплые волчьи куртки, на ногах меховые штаны из овчины, унты из собачьих шкур с загнутыми носками, которые очень удобно вставлять в ременные крепления широких лыж, подбитых камусом. (шкура с лосиного бедра) На голове рыжие лисьи малахай. Только в этом походе до меня дошло, что семья вепса не только крестьянская, охота тоже его стихия. Небольшой лук Вейкко с деревянными стрелами без наконечников ловко сбивал на землю тетеревов, глухарей, которых тут же подбирали две небольшие рыжие лайки. Я несколько раз пытался выстрелить из этого лука, но в цель так ни разу не попал.

Вечером у костра мы уже вполне свободно разговаривали с ним на бытовые темы, но вот описать ему то место, откуда я пришел, просто не хватало слов, и он меня абсолютно не понимал. Но это его интересовало в последнюю очередь. Гораздо больше Вейкко заинтересовало мое умение драться, он сказал, что никогда не видел такого, даже, когда он лет пятнадцать еще молодым парнем бывал в Новгороде. И, похоже, он начал считать меня умелым воином, хотя если бы он посмотрел, как я держу меч, то это мнение наверняка резко упало.

Снег уже был достаточно плотный, и мы спокойно без труда шли по двадцать-тридцать километров за короткий световой день, и скоро вступили на территорию волхва Яровида. Со слов Вейкко, волхв жил здесь уже лет тридцать и завоевал репутацию своеобразного человека. Так, например он мог просто так вылечить нищую сироту и повернуться спиной к князю. Но трогать его боялись, потому, что те, кто специально или по незнанию обижал его, долго не жили и умирали страшной смертью. Все монахи, которые периодически появлялись для того, чтобы изгнать идолопоклонника исчезли бесследно и последние годы почти не появлялись в этих местах.

На следующий день к вечеру характер окружающего леса изменился, вместо смешанного прозрачного леса в котором было легко и радостно скользить на лыжах, появились высокие ели, застилающие, тусклый свет зимнего дня. Откуда-то раздавалось уханье филина. Вейкко извлек из-под ворота куртки деревянный оберег, похоже, смазанный кровью и держал его в руке. Мы шли по такому лесу практически до темноты, когда неожиданно ели разошлись в сторону, на небольшой поляне стоял приземистый дом, из трубы которого курилась тонкая струйка дыма.

Никакого тына не было и в помине.

– Вейкко, а почему у Яровида вокруг дома даже оградки нет?

Тот посмотрел на меня, как на умственно отсталого.

– А зачем ему ограда, кто его здесь тронет? С ним никто не связывается. Старики говорили, что когда-то князь Белозерский сюда с войми пошел. Так после пришлось нового князя кликать, да воев набирать. Никто не знает, что с ними случилось.

И тут перед нами появился сам Яровид. Даже я со всеми моими навыками не заметил момента, как у нас на пути выросла фигура крепкого длиннородного старика в хламиде, чем-то напоминающей монашескую рясу и в теплом лисьем колпаке.

– Ну, поздоров будь вой молодой, чего ходишь, чего пытаешь?

Я еще не в силах придти в себя от внезапного появления старика, не мог произнести ни слова. Волхв язвительно улыбнулся:

– Что язык к губам присох, говорить не можешь?

Я прокашлялся, и с трудом, шевеля губами, спросил:

– Что-то не пойму, ты, что по-русски говорить можешь?

– Не знаю, что такое по-русски, я с тобой по-человечески разговариваю. Ты меня понимаешь, я тебя понимаю. Еще раз спрашиваю, зачем сюда пришел?

– Так вот, Вейкко сказал, что надо идти, мол, помочь мне сможешь.

И я ткнул молчавшего спутника в бок. Тот в ответ на мой толчок мягко упал в снег.

– Эй, ты, что с моим другом сделал? – закричал я.

Волхв пожал плечами:

– Проживешь с мое, еще не так научишься.

Он нагнулся и щелкнул пальцами над головой вепса. Тот зашевелился и сел, с недоумением оглядываясь кругом.

– Держи его, сейчас упадет! – закричал Яровид. Но не я успел нагнуться, как Вейкко захлопал глазами и повалился в ноги Яровиду.

Тот недовольно поморщился и сам поднял мелкого вепса на ноги.

– Проходите в дом, – предложил он, – Посидим, выпьем взвару малинового, поговорим, может, чем и помогу.

В доме у волхва было неожиданно чисто и тепло, когда я с недоумением смотрел по сторонам на большую комнату с настоящей печкой, и каменной трубой меня не оставляло чувство, что эта комната больше всего дома, который мы только, что видели. Кроме того, в комнате была еще дверь, которая вела неизвестно куда. В комнате пахло смолой и сухими травами, запах которых вызывал легкую сонливость и спокойствие.

– Садитесь за стол гости дорогие, в ногах правды нет. – Радужно произнес хозяин.

Вейкко, который с самого начала встречи не произнес ни слова, бухнулся на грубую тесаную скамью, которая, стояла около почти круглого стола, сделанного из распиленного пополам огромного березового капа, и продолжал поедать глазами Яровида.

Я последовал его примеру и присел на такую же скамейку, размышляя, сколько дней, понадобилось волхву, чтобы распилить этот кап. По моему взгляду тот сразу догадался, о чем я думаю.

– Хе-хе, – сказал он довольным голосом, – думаешь, как долго я его пилил. И зря, для такого дела есть у меня работники. Твой приятель, небось, рассказывал о таких.

Волхв подошел к печке и достал из темного нутра большой глиняный горшок, закрытый деревянной обгоревшей крышечкой. Сразу аппетитно запахло.

В горшке оказалась вареная медвежатина. Сначала мы немного стеснялись, но уже через несколько минут, при виде еды, вепс пришел в себя и показал, как надо расправляться с мясом. Запивали все кислым брусничным морсом, и малиновым отваром. Чавканье стояло на всю комнату. Я же ел спокойнее, мне было неудобно перед хозяином, продолжавшим с улыбкой смотреть на меня.

Когда мы наелись, Вейкко устало отрыгнул, встал и, поклонившись Яровиду, что-то быстро заговорил по-вепсски, так, что я не понял ни слова. Яровид поднялся, подошел и, распахнул дверь, за которой оказался сеновал, Вепс отправился туда и, рухнув на ароматное сено, захрапел.

Когда мы остались вдвоем, Яровид нагнулся и вытащил из-под топчана бурдюк, в котором, что-то булькало. Он развязал затянутый узел и налил по трети деревянных кружек, оттуда немедленно запахло цветами и ароматом жаркого летнего дня.

– Медовуха, – подумал я, – да какая ядреная.

– Ну, вой, расскажи мне, откель ты тут взялся, чего ищешь, – отхлебнув приличный глоток из кружки, спросил Яровид.

Я, путаясь, начал объяснять. К моему удивлению волхв меня понимал.

– Во, как хитро Макошь твою нить прядет, – сказал он, – слышал я про таких, как ты. Иногда не зря вы в этот мир приходите. Сегодня буду глядеть, нужен ты этому миру или нет?

– Послушай Яровид, а если не нужен, что тогда?

– А что тогда, сгинешь ты здесь просто и все, – спокойно отвечал старик, – а пока иди ты паря, на сеновал, там пердун этот уже храпит. Утро вечера мудренее. Завтра все тебе и обскажу.

Я, слегка шатаясь, после приличной дозы медовухи, отправился на боковую, и сразу провалился в сон.

Я видел очень хороший сон, в нем обнимал свою последнюю любовницу, страстно целующую меня и уже устремился к сокровенному, но был разбужен приличным пинком в бок. Мгновенно вскочив, я принял боевую стойку и увидел перед собой огромного седоусого воина, ростом он все-таки уступал мне сантиметров двадцать, но в плечах был в полтора раза шире. Тот стоял, и, глядя на меня, довольно усмехался:

– Ну, ты паря здоров, спать, только пинками и разбудишь.

Я озираясь в недоумении, вроде бы вчера заснул в сене рядом с, активно пердящим во сне, Вейкко, а тут было какое-то длинное помещение с рядом топчанов, и несколькими узенькими окошками, затянутыми непонятно чем, через широко открытую дверь задувал морозный воздух, выдувая ночную вонь.

– Это что? – Удивленно, озираясь вокруг, спросил я, удивляясь, как легко слетают с моего языка слова древнерусской речи.

– Это? Это место, где из таких увальней, как ты, воинов делают. А за тебя сам Яровид попросил, уж для него я постараюсь.

И с этими словами он, кулаком, одетым в латную рукавицу, ловко ткнул мне под ложечку.

Я, совершенно не ожидавший такой подляны, упал, скрючившись, и широко открытым ртом пытался вдохнуть воздух, который никак не шел в мои легкие.

Горестно покачав головой, старик сказал:

– Чтобы сейчас же был во дворе! – И вышел. Я потихоньку, кряхтя, поднимался с пола. В голове была сумятица. Проснуться после хорошего ужина в какой-то казарме, сразу получить в поддых, да еще каким то чудом понимать древнерусский язык и говорить на нем.

– Да, – подумал я, – без магии здесь не обошлось. Что же ты Костя так расслабился, специалист по убийствам называется, дожил, простецкие удары пропускаешь.

Когда я, покачиваясь и держась за живот, вышел во двор, то меня встретил дружный хохот двух десятков здоровых парней, одетых в кожаные куртки и штаны, на ногах у них были легкие поршни.

– Десять кругов вокруг града! – рявкнул дядька или, кто он там был, и толпа понеслась к воротам небольшой крепостицы, в которых был хорошо виден берег широкой реки. Снег около деревянной крепостной стены был хорошо утопан, было видно, что бегают тут много и долго. Я бежал вместе со всеми по скрипящему снегу, вдыхая свежий морозный воздух, и даже

появилось давно забытое ощущение, как в первой молодости. Когда также бежал марш-бросок на тридцать километров и появлялось такое же ощущение бездумья, потому что знаешь, что когда достигнешь цели, тебе поставят задачу, и уже тогда ты включишь свою соображалку и будешь думать, как с меньшими потерями и большей удачей ее выполнить. А пока тебе командуют, беги, бежишь с пустой головой и ни чем не размышляешь.

Я бежал вместе с моими товарищами нисколько не отставая, дыхание не сбивалось, и даже захотелось прибавить темп и прибежать первым. Что я и сделал, обошел размеренно бежавших парней и чуть ли не на круг обошел их на последних минутах.

– Что бегать умеешь? – Нахмуря брови сказал наставник. – Это хорошо, убежать сможешь, если, что, а вот чтобы догнать придется тебе еще десять кругов пробежать.

– А ну, тихо! – Прикрикнул он на вновь заржавших парней. – Сейчас еще и вы сбегаете. Я вздохнул и отправился на новую пробежку.

Когда я, высунув язык, прибежал во двор казармы, там вовсю шли бои на деревянных мечях. Мне тоже был выдан меч и напротив меня встал шупловатый паренек, который за пару минут показал чего я стою в этом деле.

– Стой, стой! – Завопил Ратибор, мой мучитель, которого, уже несколько раз при мне так называли. – Все с тобой ясно. Я то думал, Яровид такого неумеху не пришлет, но видно правду сказал, с самого начала, надо тебя учить.

Но тут раздался звон колокола, оказывается к обеду и все нестройной толпой отправились в казарму, у всех там уже были и деревянные миски и ложки, и угрюмая бабка быстро из котла наложила полные миски кулеша. У меня же ничего не было, и я озирался по сторонам, пока Ратибор не ткнул меня носом под топчан, где лежал заплечный мешок. В мешке лежали, какие то припасы, в том числе и миска и ложка, которые тут же пошли у меня в дело. В ходе обеда, я пытался переговорить со своими товарищами, но те, на контакт не шли и быстро сворачивали разговор, не отвечая на вопросы.

Подошедший Ратибор прояснил ситуацию:

– Они тебя Костяй еще долго дичиться будут. Ты ведь не просто так пришел. За тебя сам Яровид просил, привез тебя спящего на волокуше, неделю, сказывал, вез. Сказал, что во сне тебя научил разговаривать по-людски. Этакое дива сроду не слыхивал. Вот смотрю на тебя и думаю, чо в тебе такого? Ну, дубина здоровенная, и все, ни умений воинских, ни ухваток.

– Это как это ухваток никаких, а давай Ратибор на ножах с тобой сразимся, – обиделся я.

– Хо-хо, да ты обидчивый, а ведь на сердитых воду возят, – засмеялся Ратибор. – хорошо, может, чем и удивишь старого вояку. Вот часок передохнем, и покажешь свою удаль молодецкую.

– Ратибор, уж раз начали разговор, то хоть объясни, где я нахожусь, что это за место?

Тот выпучил на меня глаза:

– Да что же тебе Яровид даже не сказал, куда отправил?

– Ратибор, ты лаптем, тоже не прикидывайся, сам наверно видел, как я здесь очутился.

Старик улыбнулся себе в усы:

– Да, велик волхв Яровид. Наши монаси в бессильной злобе на него ходят, а сделать не могут ничего.

А сейчас ты в Аладъёки находишься, только не в самой крепости, а в малой крепостице для новиков. Чтобы пока они сноровку военную получают, никто их до смерти не довел, а то народ разный у нас бродит.

Я слушал и прикидывал, Аладъёки, это что же старая Ладога? А река наверно Волхов.

– Ратибор, а год, то ныне какой?

Тот опять с удивлением посмотрел на меня:

– И где тебя такого Яровид откопал, говоришь, как каши в рот набрал, меч держишь, как пастух, и даже години не знаешь.

А ныне год от сотворения мира 6624.

Снова я сидел и соображал, где-то в уголке моей памяти оставалось, что надо отнимать толи 5550 то ли 5500 лет, чтобы перевести эту дату в современное летоисчисление. Но в любом случае забросил меня Яровид далековато.

Небольшой перерыв после обеда я потратил на разборку своего мешка, который, как я понимал, был подарком Яровида. Ничего особенного там не было. Смена одежды из хорошо выделанной кожи, а на самом верху лежал амулет – серебряная фигурка женщины на волосаном шнурке. Когда я взял его в руки, то неожиданно для себя решительным движением одел на шею и спрятал под кожаную рубашку. В этот момент меня, как будто потрянул слабый удар электричества, тело окатило ледяной волной и через секунду все прошло. Под сменой одежды лежал нож. Я медленно вытащил его из ножен. Да это был Нож, не нож в понимании моих современников, а нож, которым можно делать все, от убийства и выстругивания свистка, до рубки дров. Яровид, как знал, что у меня уже сегодня будет испытание. Я взялся за рукоятку и проверил баланс. И нож слился с моей рукой, как будто являлся ее продолжением. Я вскочил с топчана и махнул ножом перед собой, проверяя дистанцию и вспоминая давно забытые в суете жизни навыки ножевого боя. Молодое тело упруго отзывалось на команды, и мои движения все убыстрялись.

– Ого! – Послышался сзади возглас Ратибора, – Ты что-то действительно можешь!

И вот мы с Ратибором стоим напротив друг друга, а вокруг нас возбужденные новики, рассуждают, за сколько ударов сердца я буду повержен.

Но Ратибор в этом уже так не уверен. Я стою перед ним в своей любимой стойке. Даже пригнувшись, я смотрю прямо ему в глаза, моя правая рука, держащая нож прямым хватом находится в районе бедра, а левой я могу, используя разницу в длине рук имитировать удары в голову. Ратибор наверно давно уже не пользовался ножом в бою и, несмотря на попытки спрятать руку с ножом, она все равно идет у него вперед, как будто он хочет нанести мечом рубящий удар. Несколько секунд мы смотрим друг другу в глаза, как бы проверяя противника на слабинку. И затем я бросаюсь вперед, отбиваю локтем левой руки, его неосторожно вытянутую руку с ножом и продолжаю движение раскрытой ладонью к его глазам. Ратибор непроизвольно отшатывается и в этот момент моя правая рука с ножом вылетает от бедра и упирается ему в левое подреберье.

Новики вокруг разочарованно загудели, слышалось звяканье мелких монеток, видимо, кто-то все-таки рискнул поставить на меня медяк.

Ратибор, между тем нисколько не расстроился.

– Это так, забава для детей. – Объяснил он. – Главное, что ты не ссыкун оказался, ведь я больше это проверял. А теперь все развлечения закончились, все за работу.

Потянулись дни, наполненные упражнениями, бегом, наш наставник особо нас не жалел и давал все по максимуму. И вскоре я почувствовал изменения в себе, меч и щит перестали быть лишними предметами у меня в руках, а с моим соперником, который размазал меня в первой схватке, я уже сражался на равных. Единственное, что огорчало Ратибора, не получалось у меня биться в строю. Все-таки разница в росте была настолько велика, что парни рядом со мной выглядели, как дети и инстинктивно увеличивали дистанцию, когда я начинал работать оружием, и разрывали этим строй. Да, к тому же стали они побаиваться меня в оружейных схватках, и теперь Ратибор был вынужден лично заниматься со мной, чему я был только рад, потому, что многому мог научиться у этого воина прошедшего огонь воду и медные трубы. Я же теперь, кроме работы с оружием этого века пытался восстановить все мои навыки, которые мне были необходимы когда-то.

Сегодняшний вечер ничем не отличался от всех остальных, вот только легла на сердце какая-то тоска и печаль. Новики еще переговаривались о чем-то, вспоминая беззаботную

жизнь в деревне, а я лег на топчан и закрыл глаза. Наверно я заснул, потому что неожиданно перед моими глазами возникло встревоженное лицо Яровида, и он прошептал:

– Костяй, просыпайся, только тихо.

Я не пошевелившись, приоткрыл глаза. В почти полной темноте, чуть-чуть просветленной лучами Луны, проходящими через замерзший бычий пузырь в окошке, было видно какое-то шевеление. Я, стараясь не двигаться, нащупал рукой свой нож лежащий под подстилкой топчана с правой стороны и крепко сжал рукоятку. Слева, где спал мой пока единственный приятель Ефимка, который смог преодолеть страх перед посланцем Яровида послышался небольшой шум, а потом на пол начала капать жидкость.

– Перерезали горло. – Пронеслось в голове. И тут надо мной наклонилась бородастая голова в шлеме, пахнувшая рыбьим жиром, и я со всей силы вогнал ей нож прямо в приоткрытый рот, труп убийцы молча мягко упал на меня, я как мог, старался принять его тише, но это плохо получилось, и с другой стороны послышался тихая финская речь.

Я нырнул между топчанами и резким взмахом ножа ударил туда, где по моим предположениям находилась нога второго душегуба, попал я удачно и сразу перерезал сухожилие. Раздался громкий крик, и тяжелое тело упало около меня. Этот крик, разбудил всех оставшихся в живых, и в помещении началась жуткая давка. Распахнулись двери и внутрь кинули горящий факел. Где-то ударили в набат. Раздались крики:

– Сумь! сумь войной пришла! Новиков всех перерезали!

Я быстро оделся, кашляя от дыма, разъедающего глаза и горло, и надев свой сидор за плечи и схватив в одну руку нож в другую меч, выскочил на улицу, по пути расшвыривая всех, как котят. Выскочив из освещенного горящим факелом помещения, я почти ничего не видел и только чудом увернулся от свистнувшего рядом меча. Ткнув противника ножом в печень, я скользнул за него и попытался сориентироваться в происходящем. А дела были не уха. Почти весь двор крепостицы был заполнен здоровыми, бородастыми суомалайненами, дорубавшими нашу молодежь и только в дальнем углу, где в каморке жил Ратибор слышалось ругань и удары мечей.

Крикнув во весь голос:

– Ратибор я иду к тебе. – Я ринулся в ту сторону. Здоровая для наших ребят сумь, были для меня почти подростками и разлетались в стороны, как кегли. Когда я уже приближался к нему, Ратибор что-то крикнул мне, я не понял и продолжал пробиваться к нему. Когда я был почти рядом, с ним он снова крикнул мне:

– Придурок, где кольчуга, или берсерком себя возомнил!?

И ловко метнул нож мне за спину. Обернувшись, я увидел финна с арбалетом в руках, который медленно падал вперед прямо на свое оружие.

Ратибор крикнул мне:

– Прикрывай спину сейчас пойдем косить! – И выхватил второй меч, и, работая двумя мечами устремился вперед, Я, в меру своих сил, старался уберечь его от ударов с флангов, и пока мы обходили двор, остатки новиков, становились справа и слева от меня и с Ратибором на острие атаки мы вырвались из крепости, чуть не ставшей нашей ловушкой.

За нами, в общем, никто не гнался. В крепости начался пожар, и финны стремились, как можно больше набрать добра, пока все оно не превратилось в пепел. Мы остановились сразу, как только вошли в лес и скрылись за большими елями. Нас было всего семь человек. У большинства были мелкие поверхностные раны и синяки. Я к моему удивлению не получил ни царапины. Но новики таращились на меня в ужасе, пока Ратибор не предложил мне вытереть лицо снегом. Оказывается, все оно было покрыто кровью, вытекшей из зарезанного мной ночного татя.

Мы молча смотрели, как усиливается пожар, и скоро из ворот потянулась вереница свеев нагруженных добром. Из-под высокого берега показался санный обоз, и они со смехом и шуточками начали скидывать добычу на сани.

В свете Луны было хорошо видно, как все было погружено, и пеший отряд быстрым шагом направился в сторону Аладъёки, а обоз пока оставался на месте.

Ратибор, даже затаил дыхание, подсчитывая количество обозников:

– Вот гады, нас даже за людей не считают, думают, мы уже к Аладъёки подбегаем. А мы сейчас этот обоз и прихватим. Вот смотрите, там десять саней, остальные уже ушли с главными силами. Значит десять возчиков, раненых, по-моему, они дорезали, никого в сани не принесли. Эх, Ефимку кончили, хороший лучник был. Ну, ничего и мы не лыком шиты. Давайте хлопцы, за мной.

И мы тихо, как могли, начали спускаться с высокого берега к Волхову.

Санный след ушедшего вперед другого обоза был хорошо виден, и мы бежали по нему за Ратибором, когда он резко остановился, то мы в горячке налетели на него.

– Стойте! Здесь их перенимать будем.

Место действительно было хорошее, Волхов делал крутой изгиб и нависшие над берегом ели при повороте скрывали идущие впереди сани.

– Так первых всех режем, с последним надо поговорить. – Скомандовал Ратибор.

Укрывшись за елками, мы молча ждали. Уже начало светать, когда мы услышали скрип упряжи и негромкие голоса возчиков. Сидящий на первых санях напевал нехитрый мотивчик.

Услышав эту песню Ратибор, тихо выругался:

– Костяй, сможешь напеть это, когда я кончу этого певуна.

– Я попробую, может, получится?

– Надо, чтобы получилось!

И действительно, когда первые сани повернули за ели, мы с Ратибором одновременно прыгнули в них, и Ратибор одним взмахом ножа перехватил глотку пожилого финна, и спрыгнул, а я, схватив вожжи, продолжил напевать этот мотив, повел сани к берегу. Сзади меня слышались негромкие звуки и, наконец, раздался чей-то истошный крик, видимо один из новиков с первого раза не смог зарезать своего врага.

Когда я обернулся, позади меня стояли восемь саней. В последних, Ратибор держал за шкуру молодого парня, А десятые, сделав крутой поворот по речному льду, быстро удалялись в обратную сторону.

Когда я спросил, почему бы нам не догнать и эти, Ратибор махнул рукой:

– Пушай едет, далеко все равно не уйдет. А у нас сейчас будут дела поважней. Надо будет разузнать, что за гости такие к нам пожаловали. Эй ребята! Давайте костер быстро запалите!

Через двадцать минут у нас горел хороший костерок, на котором грелся докрасна, нож, отобранный у последнего возчика. Тот сидел связанный у дерева и насмешливо глядел на нас.

– Смотри, смотри. – Пробурчал Ратибор. – Сколько таких смотрело, а потом, как соловьи заливались.

Но пытаться парня не пришлось, когда желто – красный кончик ножа остановился у его глаза, который держал раскрытым один из новиков, возчик действительно запел, как соловей, один из наших новиков неплохо понимал по-фински и переводил.

А ничего интересного он и не рассказал. Это не была война, как подумал Ратибор. Еще осенью, шведские купцы узнали, что в Аладъёки будет строиться новая каменная крепость. Новгородский посадник Павел, предчувствуя неприятности, решил сделать город неприступным. И старая деревянная крепость уже разбиралась. Никто не рассчитывал, что финское племя сумь зимой попрется через Ладогу, узнав, что город беззащитен, рискуя своими жизнями, чтобы неизвестно, что получить в результате. Ведь зимой торговли почти не было. Сам возчик тоже был еще тот прохиндей, но ему не повезло, во время перехода он повредил ногу,

и его посадили в обоз. Возглавлял всю эту шайку из примерно ста пятидесяти человек, мелкий вождь, имя которого мы так и не поняли, парень от страха так заикался и хрипел, что понять его было временами трудно. Нашу крепостицу они сначала даже не заметили, но потом решили все-таки захватить. Им удалось тихо снять часовых и начать тихо убивать новиков, но потом дело не заладилось. Потеряли они на этом около десяти человек. Но полученный результат таких потерь не оправдал.

Допросив возчика, Ратибор вытащил свой нож и спокойно, как будто это буханка хлеба, его прирезал.

– В другой бы раз в холопы продали, а сейчас недосуг с ним возится. – Коротко объяснил он нам.

Выкинув тело за ближайшие деревья, мы начали генеральный шмон по всем саням. Особо ценного там ничего не было, в основном одежда, продукты, Оружия, которое нам было так необходимо, не было совсем.

Быстро перекусив, обнаруженными в санях припасами, мы уселись в них и с комфортом отправились в сторону города, до которого было всего несколько километров.

Когда спереди стали доноситься звуки боя, Ратибор скомандовал завести обоз в лес и замаскировать. После этого мы начали выдвигаться к городку.

Похоже, что у наших соседей по озеру Нево, штурм Аладьёки не задался. Старая крепость была еще практически цела, и ее защитники успешно лили кипяток и кипящую смолу на немногочисленных финнов, штурмующих крепостные стены.

Ратибор, глядя на такое дело, даже просветлел лицом:

– Эх, засады на обратном пути у нас нет. Всех бы там положили.

В это время в нашу сторону со стороны городка быстро направились сани, запряженные тройкой лошадей.

– Веревку через дорогу натянуть, быстро! – скомандовал Ратибор.

И через несколько минут, подсеченные веревкой, кони валялись в снегу, а из перевернутых саней с руганью выбирались два финна. Двумя ударами наш наставник положил обоих. Но там еще кто-то шевелился. Когда мы начали разбирать рухлядь, накиданную в сани, то обнаружили женщину, завернутую в медвежью шкуру. Когда мы развернули ее то в утреннем свете увидели молодую девушку, испуганно глядящую на нас:

– Евдокия, ты как сюда попала? – воскликнул Ратибор.

– Ой, дядька Ратибор! – Обрадовано ответила девица. – Так отец, когда все началось, думал сумь войной пошла, решил меня отправить в Новгород, а эти уроды нас на выезде перехватили. Допытались, что я дочь посадника и решили увезти. Потом наверно выкуп требовать хотели. Слава господу, вы навстречу попали.

И она любопытным взглядом посмотрела на нас. Когда она запрокинула голову, чтобы взглянуть на меня в ее восхищенных глазах мелькнула искра интереса.

– Дядька Ратибор, а кто этот вой, я таких здоровых у нас не припомню?

– А вот это Дуня, не твоего ума дело. – Кратко отвечивал наставник.

– Эх, Ратибор в битве ты конечно опытен, а вот так отвечать девушке, только разжечь ее любопытство. Теперь от новиков не отстанет, пока всю подноготную не выпытает, – подумал я.

Между тем битва у стен Аладьёки заканчивалась. Незадачливые грабители, нестройной толпой устремились к реке, по которой они еще ночью шли в надежде на хорошую добычу. Ратибор с сомнением посмотрел на нас и махнул рукой.

– Нет. Не пойдем, и так не знаю, каким чудом выбрались из заварухи, ничего еще не умеете. Пусть дружина дело заканчивает, если догонит. – Высказал он свое мнение.

– А мы еще немного подождем и поедем, благословясь, в город. Думаю, посадник нас за свою дочь отблагодарит.

Пока любопытная Дуня расспрашивала новиков обо мне, а те краснели и бледнели перед дочерью посадника, Ратибор отвел меня в сторону, лицо его стало озабоченным:

– Костяй, у тебя я видел, крестик на шее висит правда с оберегом, но ведь тебя Яровид прислал, а он вере нашей древней предан. Я думал до весны тебя подучить, а дальше Яровид решит, а вишь, как получилось. Придется тебе теперь в дружину городскую идти. Так ты смотри, чтобы про Яровида там молчал.

– Ратибор, так ведь Евдокия уже наверно все у наших парней выпытала, они все знают.

– Что они знают, ничего! Скажи, Яровид тебя в лесу больного нашел, память ты потерял, только имя и помнил. А имя то у тебя кесарское, простых, то так не называют. Император ромейский так звался. Ты главное креститься не забывай, и в церковь, как все ходи, молитвы, то хоть знаешь?

Еще бы, молитвы я знал. Когда побегаешь два десятка лет по горам и пустыням за моджахедами и от них, посидишь без воды неделю в обрушившейся пещере, то выучишь все молитвы, потому что есть ситуации, когда надеяться больше не на что.

– Знаешь и хорошо. На исповедь не забывай ходить. Тебе легче, раз ничего не помнишь, то и грехов пока нет. – И, развеселившийся Ратибор, подмигнул мне.

– Похоже мой наставник не очень усерден в вере Христа. – Подумал я. – Видно долгое общение с Яровидом дает себя знать.

Наш обоз из девяти саней, въезжающий в Аладъёки, особого внимания не привлек. Все были заняты ликвидацией последствий налета финнов. Еще кое-где догорали пожары и люди поливали окружающие дома и забрасывали их снегом, чтобы не дать загореться окружающим постройкам. Специальные команды собирали трупы местных жителей и отдельно бандитов, которых, как я понял, просто сожгут. Но когда мы подъехали к дому посадника, то у высоких ворот стояла охрана. Однако суровое выражение лица старшего исчезло, когда он увидел Ратибора.

– Дядька, ты живой! я то, грешным делом, когда с вашей крепостцы прибежали, думал, все, пропал Ратибор.

А ты еще и дуван взял! А что там у тебя за девица сидит? Не возил бы ты ее сейчас во двор. Посадник лютует. Дочка у него пропала.

– А ты Ратша посмотри получше то, кого я привез.

– Быть не может, Евдокия! Ну, Ратибор, и всегда ты успеешь, на глаза попасть!

Давайте, проезжайте, сейчас посадника то обрадуем. А то он уже считает, сколько гривен, отдать выкупом придется.

Когда мы всей толпой заехали в ворота, то даже широкий двор посадника, показался маленьким. Встревоженный шумом, сам посадник, дородный высокий мужчина в собольей шубе вышел на крыльцо. Наша Дуня тут же кинулась к нему на шею с радостным криком. Смурное лицо посадника осветилось:

– Ты, что ли Ратибор мне такую радость доставил. Совсем я у тебя в долгу.

Эй, кто-нибудь быстро чашу меда славному вою, да всем его помощникам.

Ратибор, а что это у тебя за детина такой? Я эдакого, и не видывал никогда. Тут, Евдокия прильнула к его уху, и что-то быстро заговорила. Лицо Павла опять потемнело, но он на Дунины слова ничего не сказал.

– Ратибор, пройдем в терем, поговорим, я смотрю, ты большую добычу взял. Все выкупаю.

Пока Ратибор с Павлом обсуждали какие-то проблемы, новиков уже растащили по слушателям и с оханьем и аханьем слушали их рассказы.

Между тем в тереме шел серьезный разговор, касающийся меня.

– Так, что же Ратибор, ты опять с Яровидом снюхался, учеников от него берешь?

– Так посадник, ты сам рассуди, вот если к тебе сейчас сам Яровид явится и попросит чего, что ты сделаешь?

– Свят, свят, боже сохрани, ты Ратибор скажешь тоже.

– То-то и оно, никуда мы не денемся, все, что он скажет, сделаем. Сам знаешь, что с теми было, кто против него шел. Вот и меня попросил он отрока, которого он в лесу нашел, и от смерти неминуемой спас, боевому делу подучить. Память потерял болезный, кроме крещеного имени Константин, ничего не помнит.

– Константин говоришь? – посадник остро взглянул на Ратибора. – Это же где его крестили, не в Царьграде ли?

– Этого мне Яровид не говорил. А парень старательный и учится быстро, думаю, в твоей дружине лишним не будет. Есть у него хватка воинская.

– Вот это и интересно, откуда у него замашки военные. – Задумчиво протянул посадник. – Очень непонятное дело, и Яровид так просто ничего не делает. А ты заметил, на кого этот Константин похож?

– Ну, заметил, так, что теперь, мало ли на кого похожим можно быть. А, может, и помстилось нам. Давно ведь мы того князя видели.

– да ладно, помстилось, так помстилось, пусть в дружину идет, тем более, что ты поручился.

Началась моя жизнь в дружине посадника. Мои товарищи по учебе также были здесь. Не очень понятное отношение ко мне, вскоре после нескольких хороших попок быстро улучшилось. Тем более, что я во всю пользовался советом Ратибора и к месту и не к месту осенял себя крестным знаменем. Аккуратно ходил в церковь и на исповедь, где на все вопросы попа Василия о грехах только и отвечал:

– Грешен батюшка, грешен, вчера опять молодуха какая-то приснилась, так ее только прижал и сон кончился, да вот с Митяем и Прошкой опять вчера меду упились.

А на его вопросы по поводу Яровида отвечал, что и не помню почти ничего, только, как около меня кто-то ходил, а память, так и не возвращается.

Пришла весна, тихо прошел ледоход по Волхову и вскоре в наш городок начали прибывать первые купеческие лоды, кто с юга, пройдя из Днепра по волокам в Ильмень, а кто, наоборот, из Балтийского моря. Со Свири также спускались лодки вепсов и карелов везущие железо, рыбу и пушнину. Купеческие дворы, которые остались целыми после зимнего нападения, уже были оживленными и полными различного люда, а вот те которые сгорели, срочно восстанавливались плотницкими артелями из Новгорода.

И скоро нам стало уже не питья медов. Множество гостей в граде много и проблем. Приходилось ходить по харчевням, открывшимся с приходом купцов и разнимать не в меру драчливых конкурентов, или просто лихих людей.

Посадник внимательно наблюдал за мной и, я как не старался скрыть свои навыки, но командирство из меня так и перло, и вскоре я при всех своих не очень хороших навыках с оружием стал десятником. Надо сказать, что мои подчиненные быстро просекли, что со мной им гораздо лучше, потому, что, как правило, только один мой вид в боевом облачении прекращал начинающиеся разборки. Недавние враги, боязливо косясь на мрачного меня, упирающегося шишаком шлема в потолок, быстро разбегались в разные стороны. Но иногда, наоборот мой вид вызывал у особо мощных индивидуумов желание подраться, вот таких мы быстро упаковывали и доставляли в холодную, а эта комната полностью оправдывала свое название, потому, что была пристроена рядом с посадским ледником, в котором хранились продукты. И пребывание в этой комнатухе очень быстро приводило в себя самые горячие головы.

Шло время, от Яровида не было слуха и духа, и я начинал думать, что пора устраиваться в этом мире основательней. Мои боевые навыки росли, опытные дружинники с удовольствием

занимались со мной, но вот большинство из них были слишком мелковаты, один только Ратибор мог выдержать мои тяжелые удары учебным оружием.

Отношения с посадником были неплохие, и я рассчитывал, что с его поддержкой могу неплохо устроиться в здешней жизни.

Но все, как всегда, испортила женщина. Дочь посадника, стала появляться везде, где только можно, только чтобы увидеть меня. Когда это началось, мои подчиненные частенько проходились по этому поводу, намекая, что вскоре у меня будет богатый тесть, но постепенно всем стало не до смеха. И даже Ратибор потихоньку предупредил меня, чтобы я вел себя осторожней. Да я и сам все понимал, зачем посаднику, занимающему немалое положение в Новгороде, в зятях безродный бродяга, без гроша за душой, хоть и здоровый, как лось.

А Евдокия между тем не унималась, и похоже, что Павлу об этом стало известно, потому, что он стал косовато поглядывать в мою сторону. Пришлось обратиться к нему и прямо высказать свое мнение о ситуации, мол, в зятя не рвусь, свое место знаю, а вот уехать на время куда-нибудь было бы неплохо, ведь правильно говорят с глаз долой из сердца вон.

Посадник, довольный таким правильным осознанием мной своего места, быстро договорился с киевским купцом Никандром, чтобы тот взял меня в охрану на обратную дорогу. Озадаченному купцу он прямо сообщил причину, по которой просит за меня, тот долго смеялся и перестал, только увидев, что Павел скоро схватится за меч. Но согласился взять меня без долгих уговоров. Так, как я, как знаток опасных мест, волоков и всего прочего, ничего собой не представлял, то наняли меня, обычным рядовым охранником, вот только восхищенный моими габаритами, купец надбавил мне на одну резану более остальных.

Сборы не представляли трудностей, так, как все, что у меня было, я носил с собой. Одежда и доспехи были свои, купленные на деньги, полученные от продажи взятого зимой хабара.

Ладья у купца была не очень большая метров двенадцать в длину и пять в ширину, Трюмные помещения были забиты товарами, купленными в Аладьёки, сам купец, ютился в крохотной каютке на корме. Ну, а экипаж и охрана по-простому расположились на палубе, где имелся только навес для укрытия на случай дождя.

Насколько я понял, путешествие предстояло не очень опасное, по крайней мере, перед отправкой все мои попутчики были веселы, и никакой тревоги в их лицах не было.

Стояло знойное лето, ветра почти не было, поэтому весь экипаж сидел за веслами, выгребая против течения Волхова. Я тоже взялся за ручку, и под удивленными взглядами товарищей один выгребал огромным веслом. Уже смеркалось, когда мы остановились на стоянку. Пока наш кашевар готовил поесть, наш старший Егорий, потрепанный жизнью воин со шрамами на лице, быстро осмотрел место стоянки и распределил очередь в охрану. Мне, как всегда, досталась самое нелюбимое время в последней трети ночи, когда вечернее тепло уже исчезает становиться зябко и сыро и хочется забиться в тепло и спать. Я завернулся в войлок и, сев на пригорок подальше от потухшего костра, досидел на нем до рассвета, прислушиваясь к тихому шуму леса и плеску волн. Утром же с удовольствием первым выпил горячего сбитня, приготовленного проснувшимся кашеваром, и завалился спать, пока меня не пихнули в бок садиться за еду.

Волхов мы прошли без приключений, изредка останавливаясь в редких деревнях прикупить свежей дичи, и рыбы. В Ильмене задул ровный северяк, и мы с удовольствием шли под парусом, отдыхая от весел. Но в устье Ловати ветер опять стих, и вновь весла и весла. Мужики смотрели на меня с уважением, ведь я один крутил весло, которым гребли два человека. Но зато мои старания были отмечены и кашеваром Ильей, который отвешивал мне в деревянную плоску двойную порцию кулеша или рыбы.

– Не Костяй. – говорил он. – Ты точно из нурманнской породы, правда, я и у них таких здоровяков не видал.

На волоках Никандр торговался с мужиками до последней веверицы, хотя все знали точную цену каждого волока. На мое, сказанное вскользь замечание, что зря только время теряем, он с усмешкой сказал:

– Не понимаешь ты ничего, да если я торговаться не буду, так какой же я гость торговый, да я сам себя уважать не буду.

Опять мы медленно на веслах поднимались вверх по Западной Двине, и я уже с надеждой ждал, когда мы уж пойдем вниз по Днепру, не трогая этих весел, отполированных до блеска нашими мозолистыми руками.

Вечерами, после ужина нас развлекал Егорий своими рассказами о службе в княжеской дружине, о сражениях с печенегами и половцами. Я упросил его научить меня работе с кистенем, которым он владел, как фокусник, и мы по утрам развлекали своих товарищей, скача в доспехах по мокрой от росы траве и дико крича при удачных ударах. Незаметно прошло плавание по Двине и вот опять волок и, наконец наша ладья плюхнулась с катков в воду Днепра, и теперь уже можно было идти под парусом вниз по течению, а веслами пользоваться только для маневров.

Я лежал на сухой траве и смотрел в ночное небо будущей независимой Украины. До Киева оставалось два дневных перехода. Для звезд девятьсот лет было ничто, и, глядя туда, можно было подумать, что я лежу в своем времени и в своей молодости, как и тогда громко трещали цикады, звездный купол неба в разных направлениях чертили сгорающие метеориты. Круглая луна огромным диском нависала надо мной. Сегодня мне попала третья стража и все мои спутники, завернувшись в потрепанные половецкие кошмы, крепко спали. Костер, в который я больше не подкидывал хвороста, уже догорел, и только угли светились тусклым багровым отблеском. Неожиданно до меня донесся еле слышное, сразу оборвавшееся ржание лошади. И почти сразу с темнеющего леса донесся запах немытого тела и перепревшей кожи. Адреналин ударил в голову мгновенно. Я был вновь бодр и свеж, как будто это не меня долю секунды назад не клонило в сон. Мне повезло улечься в небольшой ложбинке, как раз по направлению вероятного приближения степняков. Поэтому, тихо повернувшись на живот, я надел ремennую петлю кистеня на правую руку и почти не дыша, ждал. Шорох травы становился все громче и когда непокрытая, бритая голова степняка показалась из ковыля, мой кистень с чмокающим звуком ударил его в висок. В ночной тишине этот звук показался мне громче выстрела, я затаился, но все было спокойно. Лазутчик видимо был один. Когда я подполз к убитому тот лежал, уткнувшись носом в землю, в момент смерти он обмочился, и я попал коленом в эту лужу, чертыхаясь про себя, я быстро охлопал свою жертву и, забрав саблю, и увесистый кошель, висевший на поясе, пополз к костру.

Когда я слегка тронул Егория за плечо, тот сразу все понял:

– Кто? – еле слышно спросил он.

– Не знаю, по виду вроде степняки, вот видишь сабля, какая.

Мы принялись тихонько будить своих товарищей. Костер к этому времени совсем потух, и почти ничего не было видно. Все быстро собрались, и наша ладья уже отходила от берега, когда с высокого берега донеслись вопли и конский топот и на фоне светлеющего востока были видны силуэты всадников. Они подоспели к берегу, когда мы были почти на середине Днепра и закрылись щитами от возможного обстрела.

Один из половцев заехал в воду почти по грудь коню и закричал:

– Купец я знаю, кто ты, между нами кровь моего сына, теперь пока я не вырежу вас всех, не успокоюсь! Это я вам говорю – Джурай хан!

Когда я вопросительно повернул голову в сторону Егория, тот пренебрежительно махнул рукой:

– Не бери в голову, в степи таких ханов на каждом кургане по штуке, а обещают они всегда много. Этот еще просто зарезать обещал. А вот, что они тут делали? Странно, что-то высоко они по Днепру поднялись, надо будет в Киеве воеводу известить.

Днем, когда мы голодные и не выспавшиеся, ходко шли вниз по течению, по берегу, поднимая тучи пыли, проскакал конный отряд.

– Ага. – Удовлетворенно сказал Егорий. – Не надо и воеводу извещать, уже все и так знают.

И уже громко крикнул:

– Давай правь к берегу, кашеварить будем.

После обеда, все окружили меня и разглядывали мой трофей, сабля была, конечно, класс, серо-голубой клинок с разводами, изящные кожаные ножны, рукоятка, обтянутая кожаным шнуром и заканчивающаяся навершием в виде головы льва с открытой пастью в которой сидел большой сапфир.

Никандр уставился на саблю с открытым ртом:

– Продай! – Выдохнул он.

Егорий за его спиной усмехнулся и покачал головой.

– Нет, Никандр, ты уж извиняй, но такая добыча не продается.

Купец попытался набавлять цену, но я был непреклонен. Про кошель с золотыми монетами, я вообще благоразумно промолчал. Но эта сабля и золото наводили на нехорошие мысли, наверняка не у каждого хана с кургана, есть такие драгоценности. Как бы не пришлось, потом расплачиваться за такую удачу.

Егорий потом подошел ко мне:

– Ох, не знаю, правильно тебе посоветовал, оно, конечно, такая сабля хорошего дома в Киеве стоит вместе с холопами, но каждый, у кого сила есть, захочет ее у тебя отнять, не получится простому вою такой драгоценностью владеть. Так, что или прячь ее куда, или в воеводы выходи, тогда и носить будешь.

Я поспешил последовать совету Егория и замотал саблю так, что она напоминала грязную палку с болтающимися обрывками кожи. Завтра мы прибывали в Киев, и мне надо было думать, чем заняться, и как устроиться в жизни. Хотя понятно было, то быть мне по любому воином. Вечером на стоянке мы долго перетирали эту тему с моим старшим, с которым здорово подружились за время пути, он видимо инстинктивно чувствовал во мне опытного вояку, несмотря на мою внешнюю молодость.

– Слушай Костяй, чего тебе в дружину идти, я вижу, ты вой самостоятельный, сейчас у нас торговых гостей из Царьграда полно, они любят наших дружинников в охрану брать, здесь мы все знаем им удобно, а там, в Царьграде наоборот никого и ничего не знаем, им тоже удобно, перекупить нас труднее. Вот как придем в Киев, так этим делом и займемся. Да, вот вчера с ладьи встречной крикнули, что князь наш Владимир Мономах силу великую собирает ромеев воевать. И хоть Царьградских купцов трогать князь не даст, но они все сейчас домой засобираются так, что на охрану и цена вырастет.

На следующий день к вечеру мы подошли к Киеву. Да, после все деревень и мелких городков, обнесенных невысокими деревянными стенами, красивый город с золотым куполом Софийского собора выглядел на закате прекрасным призраком будущего. Было до слез жаль, что пройдет всего сто с небольшим лет, и эта красота будет разрушена.

Тумены хана Батия сожгут все.

На следующий день, получив за работу расчет, я с Егорием, которого казалось, знал весь Киев прошел на торг, где тот быстро нашел мне нанимателя. Пожилой грек Стратигопулос отправлялся завтра вместе с несколькими купцами в Константинополь. Услышав мою коверканную греческую речь (спасибо Яровиду), мое имя, а главное мои габариты, Стратигопулос,

после небольшой беседы, взял меня на время плавания до Константинополя, ну, а там, как получится. Благодаря Егорию, мой найм оплачивался довольно неплохо, для такого неопытного воина, каким я пока еще считал себя. Но говорить об этом купцу конечно не собирался. Я обнялся с Егорием, пожелал ему удачи и пошел с купцом в постоялый двор, где тот остановился. Там меня познакомили с остальными охранниками. Надо сказать, что по большей части это был самый настоящий сброд, хотя командир охраны, как с гордостью сказал мне Стратигопулос, был когда-то целым лохагосом, хотя для меня это был все равно темный лес, что лохагос, что просто лох. А когда я спросил купца, а почему у него такая фамилия, то тот ответил, что, по-видимому, его давний предок был, когда-то стратигом.

С бывшим лохагосом Ираклием мы быстро сошлись, и я выяснил, что оказывается, Ираклий действительно командовал лохом, который представлял собой отряд пехотинцев из нескольких десятков человек. Но после ранения ноги не смог продолжать службу и устроился начальником охраны у навикулария Стратигопулоса. По поводу лоха, я посмеялся про себя, и попытался понять сочетания лоха 21 и лоха 12 века, но никакой логической связи обнаружить не смог.

С Ираклием мы пошли на торг, где я по его рекомендации приобрел, все, что нужно было мне для дальнего путешествия.

Придя на постоялый двор, мы поужинали, и я без задних ног рухнул на топчан, первый раз, за месяц, заснув в помещении.

Судно у навикулария Стратигопулоса очень напоминало нашу ладью, но были и небольшие отличия в конструкции, которые меня не заинтересовали потому, что и здесь надо было спать на палубе, открытой всем ветрам и дождям.

Но для вещей были сделаны специальные ящики, можно сказать даже водонепроницаемые, куда я, и сложил свой скарб. Прошло пара часов и наш корабль, вместе с десятком других отошел от мостков Киева. Впереди лежал опасный путь по Днепру, а затем вдоль берега Черного моря в Босфор и, наконец, Константинополь, упрямо называемый моими земляками Царьградом.

Наш корабль заходил в Константинопольскую гавань. Вокруг стоял невероятный шум, кричали со всех кораблей, юркие лодчонки быстро шныряли вокруг и смуглые продавцы предлагали все, что можно на всех языках мира. Генуэзцы, евреи, греки, все они были тут, пахло жареной рыбой и оливковым маслом. Но мы неуклонно пробивались вперед к личному причалу купца.

Путешествие у нас сложилось удачно. Мы без проблем прошли днепровские пороги, на которых очень часто караулили корабли половецкие шайки. Потом было комфортное плавание по Черному морю, вдоль берега, синеегося вдали. И вот мы у цели нашего путешествия и мне снова надо определяться с будущим.

Ираклий не разделял моего плохого настроения:

– Ты парень попал в центр мира. У тебя есть молодость, здоровье и воинские умения. Если ты не хочешь работать на Стратигопулоса, ты можешь попытаться стать воином императора, такие здоровяки, как ты всегда нужны.

Но пока я оставался охранником у купца, и бдительно охранял вместе с другими место выгрузки товаров и доставку их на склад. После окончания выгрузки Стратигопулос рассчитался с грузчиками, дал указания капитану судна и в нашем сопровождении отправился домой.

Я был в недоумении, что мы идем пешим ходом, но Ираклий улыбаясь, шепнул мне на ухо:

– Наш хозяин не настолько скуп, но просто живет почти рядом, и нужды в экипаже нет.

И действительно вскоре мы подошли к воротам дома, ничем не отличавшегося от остальных стоявших по этой улице. Высокий кирпичный забор закрывал его, так, что с улицы была видна только часть плоской крыши.

Стратегопулос по-хозяйски застучал и через минуту ворота заскрипели, открытые старым привратником. Мы все зашли во двор вслед за хозяином.

Во дворе было очень неплохо. Небольшой водоем в центре с окружающими его деревьями, казался райским уголком после уличной пыли и грязи. Навстречу купцу выскочили несколько женщин, и начался шумный разговор.

Неожиданно, одна из них посмотрела на меня внимательным взглядом, и это неприятно отозвалось в моей душе.

Это была очень красивая женщина средних лет с властным выражением лица, одетая в отличие от остальных в черную одежду, напоминающую монашескую.

Но она, посмотрев на меня, отвернулась и снова приняла участие в разговоре.

Нас, между тем, Ираклий повел в казарму охраны, где уже ждал ужин и постель.

Когда я уже разобрался со своим устройством и уложил свой нехитрый скарб в рундук под койкой, меня неожиданно позвал привратник.

– Эй ты, варвар, тебя хочет видеть хозяйка!

– Я не варвар, у меня есть имя Константин, и если тебе дорога твоя шкура больше не называй меня так, понял?

Старик испуганно посмотрел на меня и пролепетал:

– Прости Константин, я не думал, что ты христианин.

Когда мы зашли в дом, жена купца оказавшаяся премиленькой женщиной, еще довольно молодой, беседовала с монашкой, которая выделила меня из толпы час назад.

– Госпожа Марфа я привел вам этого воина. Его зовут Константин. – Сообщил привратник.

Марфа с монашкой уставились на меня, и если в глазах жены купца я видел простой интерес женщины к необычному гостю, то в глазах этой монахини было что-то непонятное.

– Константин. – С игривой интонацией протянула Марфа. – вот сестра Евфимия заинтересовалась тобой. Может, ты расскажешь нам, какими судьбами воина северной страны занесло в наши края. Можешь присесть, а Левант нальет тебе вина.

Взяв глиняный бокал с вином, я отпил глоток, вино было так себе, и я скривился. А женщины посмотрели друг на друга.

– Тебе не понравилось вино, Константин? – Неожиданно низким голосом спросила Евфимия. – Неужели ты в кабаках пивал лучшее?

– Нет, госпожа, в кабаках не пивал, а вино на мой вкус действительно так себе, я больше на меды налегал. А что касается, почему оказался здесь, то так уж получилось, жизнь заставила.

– Константин, мне кажется, что ты образованный человек, ты немного говоришь по-гречески, не как простой воин наемник, у тебя были греческие учителя, монахи, ты наверно из богатой семьи? – спросила Евфимия.

На некоторое время я замялся, думая, что ответить любопытствующим женщинам, но потом решил продолжать прежнюю легенду.

– Так получилось, что меня нашел в лесу в прошлом году один старик и лечил у себя дома, он рассказал, что я был в горячке почти на грани смерти, но все же смог выкарабкаться, вот только память отшибло начисто, только и смог сказать, что зовут меня Константин.

Марфа слушала меня раскрыв рот. Но Евфимия, участливо качала головой, а вид у нее был, как у кошки объевшейся сметаной, видимо что-то в моем рассказе ее зацепило.

– Константин. – Сказала она. – Я приходила в этот дом посмотреть заболевшего ребенка. Мне очень интересно было бы с тобой поговорить. Я живу недалеко отсюда, и была бы рада видеть тебя завтра вечером. Надеюсь, твой муж не будет против? – И она повернула голову к Марфе.

Та даже вздрогнула от неожиданности и закивала головой:

– Конечно, конечно, Евфимия, я поговорю сегодня со Стратигопулосом и он обязательно отпустит Константина к тебе.

Когда я пришел к себе, почти все уже спали, но Ираклий еще сидел за чисткой своего доспеха.

– А Константин, наконец, тебя отпустили. Что Марфе захотелось посмотреть на настоящего мужика? – Засмеялся он.

– Понимаешь Ираклий, тут то-то непонятное. У нее была то ли монашка то ли лекарка – Евфимия, так вот она захотела со мной поговорить и даже попросила придти к ней завтра.

Ираклий побледнел:

– Костяй послушай моего совета, не ходи к ней. Она хоть и лекарка знатная, но дурная слава про нее ходит. Говорят, кто ей не понравится или обидит чем, исчезает бесследно, другую давно бы на костер отправили, за такие дела, а она живет и живет, похоже ее из императорского дворца защищают.

– Ираклий, так я уже пообещал придти, да вроде, я ее ничем не обидел. А поговорить с женщиной, да еще такой красивой совсем неплохо, может еще, о чем с ней сговоримся. – Я засмеялся, мое сознание в молодом теле не воспринимало адекватно предупреждение товарища, и жаждало встречи с красивой женщиной.

Но Ираклий моего смеха не поддержал. Он продолжал сидеть с мрачным лицом:

– Смотри Костяй, я тебя предупредил, ты сам хозяин своей судьбы, но я бы на твоём месте туда не ходил.

Следующий день прошел хлопотно, мы сопровождали купца на склад, потом помогали перевозить товары по его лавкам, которых было несколько штук. Когда мы шли уже обратно к себе, Ираклий показал мне мрачный дом, с маленькими витражными окнами. Ограды вокруг дома практически не было, лишь небольшой каменный заборчик высотой около метра.

– Послушай, Ираклий, а почему Евфимия так живет, у нее большая охрана?

Тот посмотрел на меня:

– Я ведь тебе уже говорил, что ей не надо заборов, в городе ее бояться, как огня. Думаешь, ее вчера к купцу звали? Ничего подобного, она сама всегда знает, кто нуждается в лечении и приходит незваная.

После ужина, начинало темнеть, и я, одев, на всякий случай доспехи и оружие, отправился к Евфимии.

Когда я подходил к дому, уже почти совсем стемнело, и черный мрачный дом на фоне такого же неба создавал жуткое впечатление. Я почувствовал, как по коже пробежали мурашки, решительно шагнул вперед и громко зазвонил в колокольчик у дверей.

Почти сразу дверь распахнулась, и из проема на меня пахло ароматами благовоний, и я увидел Евфимию, которая на этот раз была одета совсем по-другому. Ее полупрозрачный наряд не скрывал ничего от упруго торчавших тяжелых грудей с коричневыми ареолами сосков до темного треугольника внизу живота. Губы были ярко крашены, а аромат духов кружил мою бедную голову.

– Ну, наконец, ты соизволил придти, воин. – Улыбнулась хозяйка. – Я тебя заждаюсь, проходи, снимай свои доспехи, здесь они тебе не пригодятся. Если у нас с тобой и будет битва, мы в ней постараемся обойтись без них.

Я вошел в комнату, освещенную несколькими настенными светильниками, и присел у низенького столика, отделанного золотом, за который наверно можно купить приличный дом в Киеве. От аромата трав продолжала кружиться голова, Евфимия присела рядом со мной, запах мускуса шедший от нее еще больше усилил очарование этого места.

– Воин, тебе вчера не понравилось дешевое вино купца, вот попробуй моего.

И она поднесла мне золотой кубок, до краев наполненный темной жидкостью. Я пригубил его и понял, что я до этого ничего не знал о вине, это была наверно квинтэссенция того, что

может дать виноград. Густая сладкая почти маслянистая жидкость обволакивала язык. Я не мог удержаться и глотками выпил кубок до дна. Перед моими глазами замелькали блески, запорхали большие цветные бабочки, и сознание ушло.

Я лежал на качающейся поверхности, голова разрывалась от боли, неожиданно меня грубо ударили в бок, и раздался голос:

– Быстро вставай, чего разлегся пьяная скотина.

Я сел, мотая головой, и на меня обрушился ливень соленой воды. Когда я вновь был способен, хоть что-то увидеть, то понял, что сижу на палубе какого то корабля. Передо мной с пустым ведром стоял здоровенный мужик и ухмылялся. Поддавшись неожиданному приступу ярости, я вскочил и одним движением руки свернул ему шею. Сзади раздался испуганный возглас, и спину мне ожег сильный удар, от которого я упал на колени. Сделав кувырок вперед я вновь вскочил на ноги и повернулся, сзади стояли еще двое примерно таких же головорезов, у одного в руках был кнут, которым он очень ловко щелкал, старясь попасть по мне. Посмотрев по сторонам, я понял, что нахожусь на мостике галеры, внизу, задрав головы, вверх смотрели прикованные к скамейкам гребцы.

Оттуда неслись одобрительные возгласы. Я схватил, сломанный, бочонок, валявшийся рядом, и запустил им во владельца кнута. Бочонок с хлюпающим звуком ударил того в лоб, и он грохнулся на палубу. Второй выхватил здоровый нож, почти меч и со зверским выражением лица пошел на меня. Я, с пренебрежительной усмешкой, смотрел на него. Противник, пожалуй, не доставал и до подмышки, и мои руки были почти такой длины, как его с мечом. Не дойдя до меня несколько шагов, он заорал, бросил нож и, крича что-то невнятное, побежал вниз. В два шага я был у ножа, и пока надсмотрщик, или кто он был, съезжал по лестнице, прокачал его баланс и метнул. Нож вошел по рукоятку в верхнюю часть спины, и мой противник упал среди гребцов, сидящих на скамье. Там сразу началась суета, с пояса мертвеца содрали ремень с огромным ключом и сейчас передавали на нос галеры, где, по-видимому, был замок. Я же увидел, как откуда-то появилось несколько доспешных воинов, которые с проклятьями полезли ко мне наверх. Когда первый почти выскочил на мостик, я подпрыгнул и с силой ударил его в грудь, четыре человека, ломая перила, упали среди гребцов, воющих от восторга. Через пять минут раздетые трупы уже летели за борт, а открытая цепь лихорадочно выдерживалась рабами, которые, освободившись, с ревом начали разбегаться по галере.

Я прыгнул с мостика и начал оглядываться, не понимая куда бежать, когда откуда-то раздался дикий женский визг. Я побежал в сторону кормы, там был вход в каюту, из которой доносился женские крики. Там уже столпились десятка два гребцов, наблюдающих с удовлетворенным видом, как несколько человек насилуют женщину.

Я было двинулся вперед, с желанием прекратить это, но тут узнал ее – это была Евфимия.

Пока в ступоре наблюдал за происходящим, насильник сменился, а Евфимия, уже не стояла и не шевелилась. Пол, на котором все это происходило, был окровавлен. Не могу сказать, что мне было ее жалко, я быстро сообразил кому обязан пребыванием на галере. Сзади нас бой еще продолжался, но это были уже судороги сопротивления, захваченный врасплох экипаж был почти уничтожен. Последний из насильников, встал и воткнул меч в грудь женщины. Раздались недовольные возгласы:

– Георгий, зачем убил эту суку, она еще не испытала, все, что должна была получить, сам то ведь трахнул ее.

Но мужик с мечом несколько не испугался, а заорал:

– Не хрен, здесь испытывать, надо убираться отсюда, пока на соседних галерах не поняли, что тут делается! До берега почти десять стадий.

Он подошел ко мне, испытующе посмотрел снизу вверх мне в глаза и сказал:

– Меня зовут Георгий, а ты откуда такой взялся?

– А меня Константин, а откуда я здесь взялся, не знаю, еще вчера был в гостях у той бабы, что ты заколол.

Стоявшие вокруг ободренные тощие гребцы заржали:

– Тебе повезло, здоровяк, сегодня ты бы уже сидел на цепи вместе с нами. А вечером бы повели ублажать эту суку.

– Назвавший себя Георгием, посмотрел вокруг и заорал:

– Все на весла и двигаем к берегу!

Бывшие рабы, быстро заворачивали в тряпки награбленное добро и разбегались по местам. Вот он – момент истины, никто не заставлял их сейчас грести, а весла гнулись в руках от чувства свободы и галера, набрав скорость, неслась к пустынному песчаному пляжу. Я уселся на пустую скамью и схватил рукоятку весла, которую в обычное время держали три человека, и с хеканием стал выгребать вместе со всеми. На, стоявших в отдалении двух галерах, забегали фигурки людей, и на одной из них поднялся в воздух, какой-то флаг. Но наша посудина продолжала нестись к берегу. Только минут через тридцать, еле видные галеры зашевелились, и пошли за нами. Но наше судно уже зашуршало по песку и остановилось.

С радостными криками все попрыгали в теплую воду и стали выбираться на берег.

Выбравшиеся на берег рабы быстро собирались в кучки, и подозрительно глядя на остальных, что-то говорили друг другу.

Я, смотря на них, подумал:

– Все, как и следовало ожидать, хорошо, что за нами погоня, и сейчас все разбегутся в разные стороны, а то еще и разборки бы начались.

Ко мне, стоявшему в одиночестве, подошел Георгий:

– Константин, я смотрю ты воин неплохой. Не хочешь присоединиться к моей компании.

– Георгий, я понимаю, что надо быстро все решать, но может, ты мне объяснишь, где мы находимся. И что вообще происходит?

– А что тут происходит. Продали нас венецианцам на галеры. Эта сука, Евфимия давно такими делами занимается. У нее все морские чиновники куплены. А мы сегодня утром вышли в море. Нам повезло, что в тебе столько зелья было влито. Видно посмотрела на твои размеры и решила, двойную дозу влить, зато потом, как только тебя не месили, ты не просыпался. Охранники почти все ушли, остались эти трое придурков. Ты одного с ключами, как знал, прямо ко мне скинул. А сейчас мы еще недалеко от Константинополя. Всего дневной переход. Так, что надо двигать. У меня в команде все бывшие вояки, мне кажется, что и у тебя за спиной, никаких прегрешений кроме пьянства нет, так что мы идем обратно в город. Надо будет кое с кем разобраться, а ты, я так понимаю, из нурманнов?

– Ну не совсем, так, рядом пробегали.

– Ха, понятно, ну тогда ноги в руки и быстро, а то здесь через час будет жарко.

Мы бежали под палящим горячим солнцем, песчаный берег быстро закончился и мы узкой тропкой поднялись на каменистые утесы, с которых было хорошо видно, как к покинутой галере подплывали лодки с двух оставшихся.

Самые жадные из оставшихся рабов, все еще собирающие трофеи, и казавшиеся с этого расстояния черными точками прыснули во все стороны, как тараканы.

Георгий, бежавший рядом со мной, обернулся и прокричал:

– Сейчас этих придурков снова посадят за весла.

Бегущий рядом с нами бородатый воин, буркнул:

– Не ори, береги дыхание.

Когда мы пробежали по моим подсчетам километров восемь, вся наша компания перешла на быстрый шаг. Вдали показались какие-то строения.

Насколько я понял, это были уже пригороды Константинополя. Наша команда из шести человек остановилась перед ближайшим поселением.

– Ну, Константин, что будешь делать. Пойдешь с нами, или у тебя есть другие возможности, – ухмыляясь, спросил Георгий.

– Нет, парни, я уж как-нибудь сам. Вот только мне надо бы дойти до дома купца Стратигопулоса.

Мои спутники загомонили:

– Так это нам по дороге, мы все рано пойдем в порт.

Пока мы шли улицами Константинополя нас не один раз останавливали стражники, но Георгия, похоже знала каждая собака. Узнав о наших злоключениях, добрые воины начинали ржать, держась за животы и говорить про небывалую удачу – удрать с венецианской галеры.

Вскоре окружающее стало несколько знакомым для меня и я, простившись со своими спутниками, постучал в ворота. Открыл их мне Левант, который с удивлением уставился на меня.

– Константин, я вообще ожидал, что ты придешь вчера вечером, а сейчас уже вторая половина дня. Что с тобой случилось, ты уходил такой нарядный?

Я посмотрел на свою порванную грязную одежду и проямлил:

– Ну, на меня напали, сзади стукнули по голове, вот только очухался, и пришел.

Левант засмеялся:

– А уж выступал то, ладно, давай заходи, твоих товарищей нет, они все ушли в порт, так что можешь пойти умыться и поесть. А по своим делам разбирайся с хозяином сегодня вечером.

Я прошел во двор и пошел в комнату, достав из рундука свой мешок, переоделся в чистое. Сабля, слава богу, была на месте. Я прошел на кухню, где повариха положила мне поесть и сразу исчезла. Буквально через несколько минут в помещение почти забежала Марфа.

– Константин, расскажи, что с тобой приключилось. Почему ты пришел только сегодня к вечеру.

– Госпожа, я вчера уже совсем поздно вышел от Евфимии, и меня сзади ударили по голове. Очнулся только совсем недавно, в какой-то канаве. Вот так, ничего интересного. Сам виноват, надо было лучше смотреть.

– Ну ладно, – сказала взволнованная женщина, – хорошо, что не убили. Тебя не тошнит после удара? А то может послать за Евфимией?

– Кха, кха, – подавился я едой, – нет, не надо, все пройдет и так. Не хорошо просто так тревожить мудрую женщину.

– Ну, как хочешь, медленно протянула Марфа, глядя на меня с большим подозрением, и удалилась.

Я поел и только сейчас почувствовал себя человеком. Голова все еще болела от выпитого снотворного, но бег, в течение нескольких часов, выгнал большую его часть вместе с потом, я, с трудом, встал, прошел в комнату охраны упал на подстилку и отключился.

Разбудил меня громкий разговор и смех, зашедшие охранники смеялись, глядя на меня.

– Расскажи-ка Коршун нам, как погулял, наверно неплохо, если весь день спишь.

Я миролюбиво пробурчал им, что типа не очень и помню, как все прошло, но выпил прилично.

Стратигопулос, как ни странно особо не ругался, а смотрел на меня изучающее, как будто не мог понять, как я здесь очутился.

– Похоже, он не рассчитывал меня здесь больше увидеть, – мелькнула мысль, – вот ведь гад, мог бы и не отпускать, ну ладно, я это запомню, может быть еще подержу тебя за кадычок.

После ужина Ираклий увел меня в сторонку и сказал:

– Давай рассказывай, что с тобой было, ни единому слову не верю?

– Ираклий ты, может, знаешь Георгия из тагмы, которая несет охрану длинных стен?

– Ха, ну и спросил, кто же его не знает!

– Так, вот, опоила меня Евфимия и продала на венецианскую галеру, но мне удалось прикончить несколько человек из экипажа, гребцы освободились, перебили всех венецианцев, а Евфимию, которая была там же, использовали по прямому назначению, а потом убили. А затем, мы вместе с Георгием и его приятелями устроили забег на несколько десятков стадий.

Ираклий глядел на меня недоверчиво:

– Ты хочешь сказать, что все освободились благодаря тебе?

– Ираклий, если не веришь, спроси у Георгия, он наверняка уже сидит в какой-нибудь забегаловке. И поторопись, а он опять напьется и попадет еще в какую-нибудь историю.

– Слушай, Коршун, если все, что ты рассказал, правда, то вас скоро начнут искать, ты что думаешь, те, кому Евфимия передавала золото, будут ждать, когда их потащат на допрос? Вас всех будут убивать если не сегодня, то уже завтра ночью.

Я знаю, что тебе надо делать. Сейчас мы пойдем во дворец. Есть у меня один старый знакомец по службе. Если ты попадешь на службу императора в этерию, можешь положить на всех.

– Ираклий, а с чем едят эту этерию.

– Хе-хе, этерия сама съест кого угодно. Те, кто в ней служат – этериоты, они такие же, как ты искатели приключений, там есть англы, скотты, нурманны, есть и славы. Но даже среди этериотов, я таких здоровых, как ты не видел.

– Ладно давай собирайся, да пойдем, идти не близко.

Мне было собраться, только подпоясаться и через несколько минут наш путь уже лежал во дворец императора, ну, если быть точнее, не в сам дворец, а немного поодаль от него.

Когда мы еще подходили к невысокому каменному зданию, оттуда слышались веселые крики, и женский визг. Мы зашли в проем без дверей. Внутри за кое-как освещенными столами сидели здоровые мужики, кое-кто в доспехах, некоторые без них. Но около каждого лежала секира. Визжали девушки, разносившие вино, когда разгоряченные питьем воины щипали их за выдающиеся задницы.

Ираклий целеустремленно вел меня дальше, где было немного почище. Там за столом сидело два пожилых воина. Их, изуродованные шрамами, лица оживились, когда они увидели моего спутника.

– А хренов лохаг, как поживаешь, все купчика своего охраняешь, совсем забыл своих друзей. Давай садись за стол, заорал один, – А это что за верзила, ты посмотри Братомил, он же потолок башкой цепляет.

– Да вижу я все Упырь, что думаешь, ежели пьяный, так и не разгляжу ничего.

Садись паря с нами, расскажи, откуда и куда путь держишь.

Но тут вступил в беседу Ираклий:

Братомил, земляк это ваш, с Киева со мной пришел. Надо бы помочь человеку, в вашей этерии ведь всегда место для такого воина найдется?

– Так ты паря, что с Киева что ли?

– Нет, мужи с Аладъеки я сюда попал.

– Так ты нурманн, али свей, по-нашему, вроде баешь?

– Да вообще то с новгородских я.

– Ну, все равно наш. Как попал то сюда? Вроде говорят, князь то Владимир Мономах войной на Василевса пойти собрался, а ты чего не пошел в войско то?

– Так я, когда пришли мы в Киев, так войско вроде уже ушло. Вот я и решил на Царьград посмотреть, любопытно же. Когда еще такое получится.

Оба воина переглянулись:

– Да ты парень, не промах. Ну-ка встань, повернись. Ну, что же секирой махать сможешь. Вот только опять же на голову будешь выше всех. Короче давай садись, есть еще время поговорим, расскажешь про жисть свою. А потом пойдем к нам в казарму.

Я поднял бокал вина и, вспомнив вчерашнее, поставил его на стол. Мои сотрапезники недоуменно переглянулись, а потом Ираклий коротко рассказал о моем сегодняшнем приключении. Выслушали они эту историю в молчании, но во взглядах, которые они кидали на меня, было видно уважение.

Набрались все мы неплохо. На пути во дворец даже пели песни, и я даже пытался подпевать. На входе в казармы нас остановила стража, увидев незнакомое лицо, но после объяснений, без звука открыли двери.

Я стоял в полном вооружении этериота, с секирой на плече у дверей покоев императора, на другой стороне стоял мой напарник Бонди. Он так же как и я попал в Константинополь в поисках золота и приключений. Это был веселый добродушный парень. Но, вот когда начинали подсмеиваться над его именем, он приходил в ярость, почти как берсерк, теперь это знали уже все, и землекопом его никто не обзывал.

В зале было темновато, немногие светильники горели так, чтобы было можно видеть окружающее, не больше. Я стоял и вспоминал прошедший месяц, с того момента, как я стал этериотом. На следующий день после пьянки в трактире, Упырь отвел меня в дворцовую канцелярию, где меня подробно расспросили, записали, выделили несколько номисм на расходы, после чего мы пошли в арсенал, где выдали оружие, круглый щит, доспехов же на меня не нашлось. Увечный кладовщик долго ругался, пытаясь найти мне хоть, что-нибудь. Наконец, где-то в углу он откопал заржавевшие доспехи, и попытался примерить на меня. К нашему удивлению они подошли, вот только под них кроме легкой одежды ничего нельзя было одеть, и пришлось их тащить к кузнецу и платить за мелкий ремонт.

В нашей казарме жили в основном славяне, и нурманны, было несколько свеев. Англы и саксы жили отдельно. Нурманны их недолюбливали за еще большую грязь, чем у них.

Началась моя монотонная жизнь, ежедневные тренировки, в бой в строю, работа с оружием. Вскоре, почти, как в Аладъёки, достойных противников для меня почти не осталось. Только несколько бойцов с очень быстрой реакцией могли еще со мной сразиться, но победителями практически не бывали. Даже здесь, среди высоких и крепких людей, я очень выделялся. Наверно из-за этого через две недели учебы меня отметил наш этериарх, и в скором времени я встал китонитом (воин охраняющий императорскую спальню) на охрану императорских покоев. В тот же день, вокруг меня прошел не один десяток зевак. Царедворцы в богатых одеждах, не стесняясь, стояли рядом и обсуждали мои достоинства. А один глядя на меня блестящими от возбуждения глазами, предложил после дежурства, навестить тоскующего Николая в его апартаментах.

Хорошо, что мне нельзя было разговаривать и двигаться, без особой причины, вроде опасности для кесаря, только поэтому тоскующий Николай, остался цел. Но моя брезгливость не была оценена товарищами. Упырь, удивленно глядя на меня, сказал:

– Ну, и зря не пошел. Отодрал бы ему задницу, денег заработал, да и протекцию этот Николай может составить, он с Алексеем Комниным в хороших отношениях.

Василевса я видел неоднократно, когда он проходил мимо меня, в его глазах всегда появлялась искра интереса. Я относил это за счет своего роста, потому, что во дворце не было воинов, которые по комплекции не уступали бы мне.

Мы стояли с Бонди, шепотом переговариваясь о том, чем займемся завтра. Нехитрыми желаниями Бонди было выпить и снять женщину, ну, еще побольше денег. Хотя у всех норманнов было не выказываемое желание, разбогатеть любыми путями и отправиться на родину.

Неожиданно в конце огромного зала послышались голоса, звон металла и отблески огня. Мы переглянулись и подняли секиры. В зал ворвалось два десятка воинов, одетые так, что понять, кто они такие, было нельзя.

Возбужденная толпа, увидев поднятые секиры, резко притормозила около нас. Вперед вышел воин, его лицо было скрыто под маской. Почему-то при виде этой маски у меня возникли ассоциации с венецианскими карнавалами.

– Эй, вы, вам лучше отойти и не мешать, – громко выкрикнул он.

– Ага, – согласился я, и махнул рукой, свистнул нож и наглец упал на мраморный пол с ножом в левой глазнице. Долю секунды царило молчание, а затем на нас с ревом кинулись все остальные.

– Странно, – думал я, усердно маша секирой, – кто это такие? Лезут толпой, мешают друг другу.

Руки между тем делали привычную работу. Уже несколько нападавших скорчившись, лежали на полу. Мой напарник с дикими криками возбужденно махал секирой, по его лицу текла кровь.

Меня еще никто не зацепил, но это непременно должно было случиться.

– Почему нет помощи, что там с караулом, – мысленно восклицал я, разрубая очередного вояку и отскакивая в сторону от пролетевшего копья.

– Интересно, – думал я, что там император, наверняка, у него есть второй выход из спальных покоев.

Внезапно все нападавшие отхлынули от нас, в коридор вбежало несколько человек с арбалетами.

– Ну, все, отвоевался, Костя, – посетила умная мысль мою голову. Я крепче сжал секиру и кинулся вперед. Свистнули болты, и шесть нападавших упали на пол. Первые стрелки присели на колени, и из-за них второй ряд арбалетчиков выстрелил еще раз. Я устало оперся о секиру, а мой напарник сел на пол. Бок его кольчуги был рассечен, и оттуда медленно капала кровь, лица также не было видно под кровавой маской.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.